

Андрей Охоцимский

Узкое общество

бытие и быт академиков в СССР

1. Узкое общество

Введение

В этой части своих воспоминаний я расскажу об образе жизни академической среды, в которой мне довелось провести спокойное и счастливое детство в атмосфере достатка, любви, книг и умных разговоров. Название связано с санаторием «Узкое», академическим санаторием под Москвой, где регулярно отдыхал мой отец [Д. Е. Охоцимский](#), член-корреспондент АН СССР и будущий академик РАН. Мне показалось, что название санатория неплохо отражает своеобразный характер академического сообщества, одновременно демократический и элитарный. Там, в бывшем имении князей Трубецких, академики отдыхали также основательно как работали, а некоторые (напр., [Д. С. Лихачев](#)), там просто жили. Сотрудники отдыхающих академиков должны были проделывать приличный путь из Москвы на общественном транспорте ради того, чтобы что-то обсудить или подписать. Несмотря на привилегированное рождение, мое собственное будущее виделось мне среди тех, кто ездил в автобусах, чем и определилось мое собственное двойственное отношение к данной теме. Будучи сам получателем этих благ, я в тоже самое время завистливо взирал на них со стороны.

Об академических привилегиях вообще известно мало, хотя в политических протестах, приведших к свержению коммунизма, привилегии были популярной темой. Но речь шла только о политической элите. Привилегии ученых и технократов выносились за скобки, отчасти потому, что организаторы протестов нуждались в их поддержке. Впрочем, они не вызывали народного возмущения, так же, как и богатства известных композиторов и певцов, или зарплаты крупных военачальников. А вот партийные бонзы после Сталина уважением не пользовались. Первых лиц втихую называли не иначе, как по имени (Никита, Лёня). На них смотрели, как на простых мужиков, которые пролезли наверх и занимали не свое место. В этом отчасти повинен Хрущев, на которого трудно было смотреть как-то иначе, особенно по контрасту с масштабной фигурой его предшественника. Эти люди были властолюбивы, малокультурны, косноязычны. Они говорили не своими словами, и эти слова постоянно расходились с делами. А если что-то достойное и делалось, то руководили этим профессионалы, которые могли бы справиться и без партийцев – таков был общий приговор, поначалу негласный, но в конечном счете приведенный в исполнение.

Масштаб привилегий ученых и партийного начальства был вполне сопоставим – еще неизвестно, у кого их было больше¹. Привилегии членов Политбюро теперь кажутся смешными и жалкими. Брежнев, к примеру, имел двухэтажную дачу с двумя туалетами. Ну надо же! Такой дом есть у многих прилично обеспеченных людей в относительно развитых странах. Но даже эта скромная недвижимость не была его личной собственностью. Академики же имели четырехзначные зарплаты, многокомнатные квартиры, казенные машины помимо своих, а также большие дачи, пусть с одним туалетом, зато в полной личной собственности. Все это

---

¹ М. С. Восленский пишет в своей известной книге «Номенклатура»: «Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа.»

никогда и нигде не афишировалось, но особого секрета из этого также не делали. Простые люди об этом в той или иной мере знали или догадывались. Но никакого недовольства на эту тему я никогда не замечал. Ученых уважали. В конце концов всем было понятно, что ракеты в космос запускает не Хрущев и не Брежнев. Впрочем, академики тоже не могли бы ничего сделать без той армии рядовых научных работников, которая проделывала под их началом огромную работу. В битве за научно-технический прогресс, они, генералы от науки, бросали подчиненные им полки и батальоны на штурм ракетно-космических высот. Ну не могли же в самом деле обеспечить дачей и машиной каждого кандидата или доктора наук? Так что рядовым науки оставалось, как наполеоновским пехотинцам, носить в своих ранцах маршальские жезлы...

***

Основной фактический материал этих воспоминаний относится к школьно-студенческому периоду моей жизни, примерно с 1965 по 1980 г. После этого я жил отдельно от родителей, и их жизнь «изнутри» уже не наблюдал. В течение 80-х в стране происходили драматические перемены, приведшие в конце концов к почти полному обнулению большинства академических льгот и преимуществ, но эта эволюция выходит за временные рамки моего рассказа. То, что я описываю по своей памяти – это в основном 70-е годы – самый расцвет периода «застоя». Я касаюсь также времен более ранних, опираясь на исторические публикации и рассказы старших.

Академические пайки, книжные новинки, ателье, поликлиника

Советские академические привилегии начались в голодном и холодном 1918 г. А. М. Горький – молитвенник за интеллигенцию – писал письма Ленину и Троцкому о необходимости повышенных пайков для ученых². Эти пайки дожили до 80-х годов, и их даже называли по-старому: «академический паёк». Мы получали их в т.н. «питателе», который примыкал к академической столовой на Ленинском проспекте вблизи угла с ул. Губкина. Это важное заведение выглядело снаружи более чем скромно: ободранная застекленная дверь, стекло грубо замазано белой краской. Никаких вывесок. За дверью – крошечный закуток с прилавком. За прилавком – тучные тетеньки в белых халатах. Никаких документов не спрашивали. Называлась фамилия – выдавался паек, стоимостью около 30 руб. в обычных, магазинных ценах. Всегда наличествовали масло, колбаса и сыр. Эти продукты бывали и в московских магазинах, но не всегда, не везде и не обязательно хорошего качества. Здесь же все было первосортным. Еще давали полкило ветчины, которая в магазинах отсутствовала, килограмм говядины или сосисок, и хорошую курицу³, часто даже импортную. Для сметаны надо было приносить литровую банку. По праздникам ожидалась баночка икры. Иногда давали экзотику: телячий язык или мозги. Телячьи мозги были истинным лакомством. Их жарили, и они имели неповторимый нежный вкус. Кроме того, давали что-то к чаю, обычно полкило конфет типа «Белочка» и пачку печенья «Юбилейное». Паек не обеспечивал полностью недельное питание, но был солидной основой семейного рациона. Ни овощей, ни фруктов в пайках не давали.

Подобная же распределительная система работала и для книг через сеть магазинов «Академкнига». Брошюра «Книжные новинки», приходившая по почте каждый месяц, включала все книги, изданные за предыдущий месяц центральными издательствами. Получение «Книжных новинок» было радостным событием. Я прочитывал весь список и ставил галочки,

² По инициативе Горького была создана ПетроКУБУ (Петроградская комиссия по улучшению быта ученых), которая в 1921 г. была преобразована в общероссийскую ЦЕКУБУ при СНК РСФСР.

³ Тем, кому неясен смысл слов «хорошая курица», стоило бы заглянуть в советский продмаг и увидеть те мосластые, посинелые и отощавшие тушки, которые там можно было «отхватить», если повезет.

потом отец ставил свои кружочки. Покупка книг вовсе не предполагала, что их будут читать. Это было своего рода коллекционирование, как художественных, так и научных книг. Приятно ведь, когда захотелось прочитать книгу, а она уже есть! А то потом ведь не достать... Книги были дешевые, как правило в районе рубля. Каждый месяц покупали 10-20 штук, так что библиотека была большая: в московской квартире она занимала полторы стены в два ряда и еще комнату на даче. Наша «Академкнига» была рядом, на углу ул. Вавилова и Дм. Ульянова, там и сейчас книжный магазин. Сам магазин был открыт для всех, и там продавали научную литературу. Книги по спискам подбирали в отдельной комнате, и я приносил оттуда домой стопку, перевязанную бумажной веревкой. Через «Академкнигу» можно было подписаться на дефицитные собрания сочинений, которые выдавали по 2-3 тома в год по мере выхода. Помню, мы получали Стивенсона, Достоевского, Лермонтова, Чехова. Было много переводной научной фантастики, которую я обычно сразу прочитывал. До открытой продажи она не доходила, как и многие другие книг, которые мы там получали.

Подчеркну, что книжное накопительство объяснялось тем, что достать просто так нужную книгу было почти невозможно. Продажа книг с рук запрещалась, а в букинистических магазинах ничего реально ценного не было. Надо было либо иметь книгу у себя, либо брать у знакомых, либо читать в библиотеке. Напомню также, что копировальная техника строго контролировалась, и её вообще было очень мало, так как в СССР она не производилась⁴. Когда хотели размножить что-то недозволенное (например, учебник йоги), нанимали машинистку вкладчину и перепечатывали в нескольких экземплярах. Моя мать показывала военную лирику Константина Симонова, которую распространяли таким же способом во времена её молодости (в конце 40-х) на тонких полупрозрачных листочках папиросной бумаги. Я сам переписывал от руки стихи Гумилева и заполнил ими несколько тетрадей.

Советские универмаги были завешаны унылыми топорно сшитыми костюмами, которые покупали те, кто не мог достать ничего получше. Академики же пользовались своим ателье, где за умеренную цену шили на заказ костюмы, пальто и шубы (т.е. утепленные пальто с меховым воротником). Ателье располагалось на Ленинском проспекте, недалеко от Президиума. Когда, в связи с окончанием школы, выяснилось, что мне нужно что-то, помимо школьной формы, я также оказался клиентом этого ателье. Вряд ли это было официально разрешено, но достойная «благодарность» академическому кутюрье расширяла границы дозволенного.

А вот в академической поликлинике могли вполне официально лечиться все прямые члены семьи. Мой статус там значился как «ч.с. ч.-к.» (член семьи члена-корреспондента). Впрочем, сама поликлиника была скорее ведомственным, чем привилегированным учреждением. Там могли лечиться все сотрудники Академии, от Президента до уборщицы⁵. В СССР существовали параллельно две системы медицинского обслуживания: территориальная и ведомственная. Все сколько-нибудь «мощные» ведомства стремились иметь свою медицину, что отчасти объяснялось низким качеством основной системы⁶. Однако, членам Академии позволялось лечить в этой поликлинике всех членов семьи. Всем семейством занимался один врач. Он не был перегружен, и его можно было неограниченно (и, конечно, бесплатно) вызывать на дом. В нашей семье этим широко пользовалась бабушка. Она вызывала нашу врачиху тогда, когда у

---

⁴ В крупных библиотеках и солидных учреждениях стояли импортные копировальные машины марки «Ксерокс», на которых можно было что-то «отксерить» с разрешения начальства. Скопированные документы назывались «ксерокопии».

⁵ Поликлиника состояла из двух зданий. В одном из них лечились сотрудники Академии в ранге докторов наук и выше, а в другом – все прочие. В Москве было несколько академических поликлиник. Наша располагалась за универмагом «Москва» на Ленинском проспекте.

⁶ Среди врачей участковые поликлиники считались самым гиблым местом. Там было много скучной работы, а платили мало. Врачи предпочитали работать в специализированных клиниках или в ведомственной медицине, но туда надо еще было суметь устроиться.

нее колотилось сердце или замедлялся пульс, когда кололо в боку или кружилась голова, когда на неё напала сонливость, или же ей не спалось. Аппараты для измерения давления тогда не продавали, и врача подчас вызывали просто ради того, чтобы померять давление и пульс. Врачиха подолгу сидела у бабушкиной постели, стоически выслушивая её жалобы. Дело всегда кончалось советом выпить одно из трех лекарств: валерьянка, валокордин или капли Зеленина. Врачебная квалификация требовалась, чтобы сделать оптимальный выбор. Бабушка все равно была недовольна, так как врачиха не могла сделать так, чтобы она чувствовала себя хорошо. За беспорочную службу семье врачиху благодарили коробкой конфет на 8 марта, а однажды отец подписался по её просьбе в «Академкниге» на какое-то недоступное ей собрание сочинений.

Автомобиль – не роскошь, а средство передвижения

В Академии было (и есть) два вида членства: академики и члены-корреспонденты. Привилегии, естественно, различались. Отец шутил, что в академических туалетах кладут два вида бумажек: квадратики побольше для академиков, поменьше для членкоров⁷. «Книжные новинки» академикам отсылались раньше, так что у них было больше шансов получить дефицитные книги. Но главной привилегией полных членов Академии были казенные академические машины. На улице Вавилова располагался академический гараж, где стояли в ожидании звонка на так называемом «конвейере» черные «Волги» с водителями за рулем. Академик звонил в гараж – и тут же на его зов мчалась из гаража очередная «Волга». Отец, будучи членкором, не имел возможности пользоваться этой системой.

Но у него было кое-то получше – свой микроавтобус! Отец возглавлял отдел Института прикладной математики, который занимался баллистическими расчетами для космических полетов. Иногда возникала необходимость быстро что-то пересчитать в связи с изменением условий, новыми данными траекторных измерений или нештатными ситуациями. В этих случаях сотрудников поднимали «по тревоге» в любое время дня и ночи, чтобы доставить в институт или в аэропорт (если надо было лететь в Байконур или в Евпаторию на станцию дальней космической связи). Бывало, что работали допоздна, и сотрудников развозили по домам ночью. Микроавтобус «Рафик» находился в полном и нераздельном распоряжении их отдела. Когда наша собственная машина была не в рабочей форме, на нем ездили на дачу. Приличия требовали, чтобы сам отец был одним из пассажиров. Отец, умелый администратор, держал бразды правления «Рафиком» в своих руках. Не помню случая, чтобы он поехал на работу на общественном транспорте. По утрам (около 8 часов) за ним приезжал «Рафик», вечером он же привозил его домой. «Рафик» возил на работу и обратно не только его, но и других сотрудников, в частности [Э. Л. Акима](#) и [Т. М. Энеева](#),⁸ которые жили недалеко от нас. В 90-е годы наступил момент, когда «Рафика» больше не стало, и мама сказала мне по телефону трагическим голосом: «Твой отец ездит на работу на метро...». Впрочем, сам отец не жаловался и, невзирая на 70-летний возраст, бодро ездил в свой институт каждый день, добросовестно осваивая поступившие к ним персональные компьютеры.

⁷ Академия насчитывала около 250 академиков (согласно негласной норме 1 академик на миллион населения) и около 500 членкоров. Кроме того, отдельные академии существовали во всех республиках кроме РСФСР. Существовали также т. наз. отраслевые академии: медицинская, сельскохозяйственная и художественная; их привилегии были не столь щедры, как в основной академии.

⁸ Э. Л. Аким отвечал за работу баллистической группы. Его роль в отделе особенно повысилась в 70е годы, когда отец стал заниматься робототехникой и переложил организацию профильной работы на безупречно ответственного и надежного «Эфу». Т. М. Энеев, член-корреспондент АН СССР с 1968 г. (позже академик РАН), был вторым членом Академии в отделе, а также его заместителем в должности зав. отделом. Они знали друг друга с университетской скамьи. Старый друг и соратник «Тимур» был единственным в отделе, с кем он был на «ты».

«Рафик» дежурил круглосуточно. На нем работали посменно три шофера⁹, с которыми устанавливались тесные личные отношения – ведь от их лояльности зависело использование «Рафика» для поездок на дачу. С шоферами обращались, как с дорогими гостями. Их усаживали с нами обедать, причем за мной зорко следили, чтобы я не сморозил что-нибудь бестактное. Процесс «одомашнивания» шоферов шел с переменным успехом: одни поддавались лучше, другие хуже. Среди трех шоферов всегда были более близкие и более далекие семье. Наиболее близкому доверяли уход за личной отцовской «Волгой», которую полу-официально разрешалось обслуживать в том же академическом гараже. Шоферов поощряли материально на строго конфиденциальной основе; эта тема обсуждалась вполголоса. Грань между личным и общественным была несколько размытой, но в целом уважалась.

Отец любил машины. Первый «Москвич-400» был куплен задолго до космического взлета его карьеры. В начале 50х годов научному работнику было легче купить автомобиль, чем в позднесоветское время. «Москвич-400», копия «Опель-кадета», стоил 8000 руб. «старыми» деньгами, т.е. всего 800 руб в переводе на рубли 70-х годов¹⁰ (в дальнейшем для простоты используются только «новые» рубли). Притом, что средняя зарплата по стране составляла в то время около 80 руб, остепененные научные кадры получали намного больше: кандидат мог получать 150-170 руб., доктор наук – 400, а руководители науки получали 500-600 (академики могли получать намного больше, см. ниже). Таким образом, если в семье работали двое с зарплатами порядка 200 руб, накопить на «Москвич» было вполне реально. Отец тогда еще не был женат, и жил с родителями. Бабушка не работала, а дед был квалифицированным бухгалтером с юридическим образованием и хорошо зарабатывал на судебных экспертизах. Так что покупка машины была им вполне по силам.

С течением времени финансовая ситуация эволюционировала в сторону уравнивания рабочего класса с научной интеллигенцией (см. статью Зезиной). Средняя зарплата к 70-м годам поднялась в 3 раза (от 80 до 240), но зарплаты научных работников не изменились вообще. Если раньше даже начальная зарплата академического сотрудника была выше средней, то теперь ученый мог достичь уровня доходов умелого пролетария лишь в ранге старшего научного сотрудника, что соответствовало приличной научной зрелости. А вот стоимость машин выросла. К середине 60-х «Москвичи» нового образца продавались за 3500, а ГАЗ-21 («Волга») стоила в магазинах 6500, что было намного выше себестоимости. Даже при этих диких ценах, за машинами была очередь. Счастливицы, получившие долгожданную открытку из магазина, начинали обегать ближних и дальних родственников, собирая требуемую сумму. «Жигули», задуманные как автомобиль для народа, также стоили свыше 5000. Я, однако, не помню ни одного случая, чтобы академик имел «Жигули» или «Москвич». Академическому рангу приличествовала «Волга»¹¹.

Члены Академии были избавлены от многолетних очередей и могли купить машину, просто написав заявление в отдел снабжения Президиума АН СССР. В 70-е годы в этом деле был наведен четкий порядок. Отцу, как члену-корреспонденту, полагалась белая «Волга» (ГАЗ-24),

⁹ Шоферы дежурили сутками и после дежурства могли отдыхать два полных дня.

¹⁰ В 1961 году состоялась денежная реформа, в результате которой «старые» рубли были обменены на «новые» в соотношении 1:10. «Старые» рубли девальвировались во время войны в результате военной инфляции, так что реформа вернула рублю покупательную способность, сопоставимую с довоенной. В 60е годы «старые» деньги еще помнили, и цены «старыми деньгами» часто упоминались в разговорах.

¹¹ Прошу не понять меня так, что все академики обладали «Волгами». Многие были равнодушны к машинам, тем более, что «полные» академики, как я уже упоминал, имели возможность вызывать машину «с конвейера» или использовать в той или иной мере служебные машины, предоставляемые институтами. Но если член Академии покупал личную машину, то это почти всегда была «Волга». Это был не только вопрос личного вкуса, но и неписанное требование табели о рангах, напоминавшей правила, существовавшие в России 19-го века в отношении конных выездов.

а академиком давали черные. На черных «Волгах» разъезжало все начальство – выше них по статусу были только правительственные «Чайки». Проездив на своей белой «Волге» 2 года, отец мог отдать её в спец. магазин и получал новую с доплатой в 2000 руб. Любопытно, что подержанную отцовскую «Волгу» мог приобрести в том же магазине армейский полковник. Таким образом, существовала сквозная табель о рангах, ставящая полковника на ступеньку ниже члена-корреспондента АН СССР. Насколько я помню, эта машинно-обменная система заработала лишь после появления ГАЗ-24, т. наз. «новых «Волг»». Однако, мои самые яркие автомобильные воспоминания связаны не с ними, а со «старой «Волгой»», ГАЗ-21.

В нашей семье первая «Волга» появилась вскоре после «звездного» скачка отцовской карьеры¹². Это была темно-зеленая красавица с изящно округлыми формами и устремленным вперед и вверх силуэтом, мотив которого усиливала статуэтка оленя, застывшего в прыжке на передней точке капота. С этой машиной меня связывали такие же узы неповторимой первой любви, как и с первой квартирой, воспетой в других мемуарах. Но машина – это не квартира. Здесь более уместно говорить о влюбленности эстетического плана, о нежном чувстве, живущем свиданиями, нежели о том тотальном срастании, которое соединяло меня с квартирой. Вообще, квартира – она не женского рода, а скорее среднего, как солнце, сердце или счастье. А вот машина, особенно данная «Волга», явно имела женскую природу. Как и положено красивой дорогой женщине, она требовала постоянного ухаживания и приличных расходов. Одного мужчины ей было мало – свою страсть ей дарили двое: отец и шофер Алексей Иванович.

Алексей Иванович принадлежал тому поколению и типу людей, которых в то время называли «люди старого закала». Это были совестливые и скромные труженики, привыкшие к субординации и без лести преданные как начальству, так и самому делу. Алексей Иванович любил нашу машину как свою. Обычно тихий и незаметный, он мог возвысить голос в её защиту, если отец, по его мнению, делал с ней что-то неподобающее. При всей социальной дистанции, в автомобильной сфере они были равны. Отец никогда не относился к нему, как к нанятому работнику, призванному что-то делать вместо него. Невозможно себе представить, чтобы Алексей Иванович пошел смазывать машину или регулировать тормоза, а отец в это время лег отдохнуть или пошел гулять. Они все делали вместе и постоянно спорили: отец во все активно влезал и хотел всё подчинить понятной ему логике, чему Алексей Иванович противопоставлял свой многолетний шоферский опыт и знание того «как надо».

Красавица «Волга» состарилась, Алексей Иванович вышел на пенсию, а отец купил белую «Волгу» нового типа (ГАЗ-24). На рубеже 60-х и 70-х внешний вид вещей изменился. Все стало прямоугольным: здания, мебель, автомобили. Новые машины соревновались в изяществе со спичечными коробками. Зато их стало много. Ленинский проспект, видный из окон московской квартиры, заполнялся все более густым автомобильным потоком. Однако, автомобилизация так и не стала массовой. И не только из-за дороговизны машин, но также из-за почти полного отсутствия автосервиса и торговли зап. частями для населения. Владельцев автомобилей в то время официально называли «автолюбители». Считалось, что это любители техники, которым нравится лежать под машиной. С другой стороны, государственные учреждения содержали машины на автобазах, в которых было налажено приличное техобслуживание. Мечтой каждого автолюбителя было прочное личное знакомство с механиками или шоферами с автобазы. Поэтому отец продолжал обращаться к академическим шоферам, но это уже были люди нового поколения. Они держали дистанцию и ценили свое время. Они точно знали рублевый эквивалент своего труда, своего времени и своих связей и помогали ему от случая к случаю.

---

¹² Отец стал доктором наук без защиты диссертации в 1958 г. на волне наградений после запуска первого спутника и членом-корреспондентом АН СССР в 1960 г. в возрасте 39 лет.

Зарплата

Должностные ставки в академических институтах варьировали от 120 до 600 руб., т.е. различались в 5 раз. Однако, реальный потолок доходов был еще в 2-3 раза выше. Почему? Во-первых, члены академии получали т. наз. «стипендии» за звание, составлявшие 250 руб. в месяц для членкоров и 500 руб. для академиков. «Стипендии» платились пожизненно и не зависели ни от выполняемой работы, ни от пенсионного статуса. Именно они и были главным магнитом, притягивающим в академию не только ученых, но и видных технократов из промышленности: у правительства просто не было другой возможности премировать заслуженного авиаконструктора или кораблестроителя. Таким образом, если директор института (как правило, академик) был на ставке 600 руб., то вместе с академическими деньгами, выходило 1100. Мой отец был зав. отделом на ставке 500 руб., но вместе со «стипендией» получал уже 750. Но это было не все.

Вторым важным источником дополнительных доходов было совместительство. Следует иметь в виду, что совместительство с СССР в целом не поощрялось. Совмещать две полные ставки разрешалось в исключительных случаях, так что под совместительством обычно имелась в виду дополнительная работа на полставки. Но и это дозволялось лишь особым категориям работников. Заводские рабочие, инженеры, учителя или врачи ни на какое совместительство рассчитывать не могли. Однако, государство поощряло связи высшего образования с наукой и потому разрешало совместительство вузовских преподавателей и аспирантов. Они могли получать научные полставки по т. наз. хоз. договорам, т.е. контрактам с промышленностью. Эти полставки выплачивались из бюджета конкретного договора и носили временный характер.

Совместительство было возможно и в обратном направлении: академические ученые могли иметь преподавательские полставки в ВУЗе. Разрешение получали далеко не все, но для членов академии эта дорога была открыта. Но не стоит представлять себе академиков с мелом в руках, ведущих семинары и практикумы или читающих студентам лекции. Такое случалось, но было не типично. В советских ВУЗах руководство аспирантами и дипломниками засчитывалось как педагогическая нагрузка, а в лучших ВУЗах, таких как МГУ (а академики преподавали только в лучших ВУЗах), сама пед. нагрузка была мизерной. Вы, должно быть, радуетесь за счастливчика-аспиранта, которому выпала удача сделать первые шаги в науке под прямым руководством маститого академика, признанного лидера своей специальности? Уж ему-то наверное было чему научить молодого ученого! Однако, не стоит наивно рисовать себе образ седовласого мэтра, склонившего голову за рабочим столом юного аспиранта. Для это существовали (и существуют по сей день) остепененные младшие сотрудники, называемые в просторечии «микрошефами», которые с радостью брали (и берут) на себя этот тяжелый неоплачиваемый труд. Да и стоит ли самому «шефу» тратить на это свое драгоценное время, если сама его подпись на диссертации обеспечит её прохождение через ученые советы и комиссии ВАК, тем более, что он сам же, вероятно, заседает и в тех и в других¹³?

Членов академии часто приглашали заведовать кафедрами. Мой отец, став членкором, почти сразу получил приглашение на должность зав. кафедрой теоретической механики механико-математического факультета МГУ. Этой кафедре, известной своими классическими традициями, предполагалось придать современное космическое направление. Отец написал курс механики космического полета, по-видимому один из первых в мире, и несколько лет читал его сам. Потом его читали Ю. Г. Сихарулидзе и [Ю. Ф. Голубев](#), в соавторстве с которым

¹³ Государственный контроль за присуждением ученых степеней, осуществляемый через двухступенчатую систему Ученых советов и комиссий ВАК был советским изобретением. Необходимость в этом тяжеловесном механизме объяснялась тем, что остепененные кадры почти всегда и почти везде получали прибавку к зарплате. В мировой практике ученые степени присуждает небольшая одноразовая комиссия, назначаемая ВУЗом, а сама степень имеет вес лишь в научном сообществе.

был написан учебник, а отец стал выполнять свои полставки аспирантами и дипломниками в соответствии с описанной выше практикой. Несколько докторов из его институтского отдела также получили профессорские полставки на кафедре. Разрешение на совместительство было важным административным ресурсом, позволявшим поощрять тех, кого следовало. Таким образом, академический сотрудник, творивший свою науку в любви и гармонии с руководством, мог рассчитывать на резкий рост доходов после защиты докторской диссертации: он сразу получал четыре сотни старшего научного сотрудника плюс ему открывалась дорога к совместительству. Его доход в этом случае приближался к зарплате среднего советского министра (700 руб).

Работа

«За такую зарплату да еще и работать!», так говорили и так думали советские люди. Не глупо ли вкалывать весь день за обычную зарплату в 100-150 руб., которую и так всем платят! Социальные исследования в 70-е годы показали, что советские служащие работали по-настоящему 3-4 часа в день. Свобода не работать стала негласным стимулом получения высшего образования: ведь рабочий у станка или конвейера вряд ли был настолько волен распоряжаться своим временем. Оставшаяся от работы половина рабочего времени уходила на разговоры, коллективные чаепития, общественную нагрузку, хождение по магазинам (для домохозяек), возню со стоящим на институтском дворе автомобилем (для автолюбителей) и на прочие более или менее необходимые личные и домашние дела. Общение было чрезвычайно важным аспектом пребывания на работе. Современный человек атомизирован: ему трудно вполне понять то значение, которое имели разговоры и человеческие контакты в советском обществе. Через знакомство с друзьями и коллегами узнавались идеи, отличные от крайне узких рамок официальной информации и передавались сведения, которые сейчас легко доступны в интернете. От людей мы узнавали, как обстоят дела на самом деле. Через знакомых выясняли, где можно достать вещи, которые сейчас и искать-то не требуется – торгующие несут товар чуть ли не домой – только купи ... Человеческие контакты были невероятно важны. Они обогащали жизнь, и на них нельзя было жалеть время, тем более находясь в таком насыщенном умом и знаниями месте, как Академия Наук.

Работать же полноценно стоило либо за перспективу роста, либо за фактическую доплату. Аспиранты вкалывали «как папы Карло», чтобы набрать необходимый для защиты материал за положенный трехлетний срок. В «ящике¹⁴» кандидату со стажем могли сразу дать должность старшего научного сотрудника, но зато и требовали, заставляя взаправду гнуть спину с 9ти до 5ти... Академические кандидаты, не желавшие «сыграть в ящик» и не имевшие надежды на докторскую, вели себя как пролетарии марксизма-ленинизма, которым было нечего терять, кроме своих цепей ... Заставить их работать было невозможно – они делали что хотели, сколько хотели и как хотели.

Но разве плохих или неугодных начальству работников нельзя было уволить? Не продлить договор или завалить на аттестации? А вот нет! В Советском Союзе уволить научного работника, формально выдававшего минимум адекватной научной продукции, было невозможно. СССР не зря назывался государством трудящихся. Так же трудно было уволить и алкаша-слесаря на производстве. В сталинский период все было проще. Ленивца или строптивца могли запросто обвинить во вредительстве или саботаже, а там уж никогда не ошибающиеся органы разберутся – нет ли контрреволюции или антисоветчины? Страх

¹⁴ «Ящик» - это не телевизор, а секретный институт оборонной тематики. Термин происходит от советского почтового правила адресовать письма в воинские части как «п/я № ...», т.е. «почтовый ящик» с таким-то номером, вместо фактического адреса.

сочетался с искренним порывом. Работали сколько требовалось (а требовалось много), при этом часть зарплаты еще и отдавали за сталинские облигации ... В «оттепель» все это распустилось, размякло и потекло ... страх исчез, порыв тоже. Людей надо было заинтересовать поощрительно, для чего выделялись все новые и новые средства. А тех, кого заинтересовать не удавалось, начальство оставляло в покое и не трогало – ведь себе дороже, а то еще кляззу настроит... В среде научных кадров младшего и среднего звена выделились две явно различимые группы: трудолюбивых амбициозных карьеристов и прозябающих трутней. А что же академики? Они ведь всего достигли и стремиться им было уже некуда ...

Я хорошо помню отцовский распорядок начиная с младшего школьного возраста. Он хлопал дверью около 8 утра, когда я еще собирался в школу. Вечером он приходил в 10-11 вечера, когда я уже лежал в постели. Обычно он еще говорил по телефону около часа. В субботу тогда тоже работали. После введения пятидневки в 1967 г. он еще несколько лет продолжал ходить по субботам. Дотошный и требовательный начальник, он хотел быть в курсе всего и подолгу разговаривал с сотрудниками, стремясь детально вникнуть во все детали. Если возникали трудности, он не жалел времени, пытаясь уяснить проблему, дать совет по существу или толчок в нужном направлении. На заре космической эры он сам (вместе с Т. М. Энеевым) считал на первой советской ЭВМ¹⁵ «Стрела» и, работая по ночам, заработал нервный срыв. Будучи зав. отделом, он уже не программировал. Задачи обсуждались на языке численных методов и алгоритмики. В отделе было около 80 человек, так что неудивительно, что дневного времени не хватало. По вечерам становилось тихо, и он оставался с теми, кому следовало уделить внимание. Оставшиеся допоздна сотрудники развозились по домам на «Рафике».

На фоне средне-академической атмосферы отцовский отдел выделялся ударным трудом. При такой плотной опеке работать вполсилы бы не вышло. Но к этому никто и не стремился – отец тщательно отбирал людей, совместимых с его стилем: энергичных, творческих, увлеченных космической тематикой, которых не требовалось подгонять. Те, кого этот стиль не устраивал, переходили в другие места. Он говорил, что не берет на работу бородатых и курящих – по его опыту и те и другие к нему не вписывались. К моей бороде он всегда относился с подозрением, но так как мой переход в его отдел не планировался, явных возражений не было.

Особый характер их отдела был связан с личностью [М. В. Келдыша](#), Президента Академии Наук и директора института. [Институт прикладной математики](#) был организован вокруг первых советских ЭВМ с целью эффективного использования наиболее современной вычислительной техники ради решения важнейших практических задач. Келдыш был организатором всего института, но отдел космонавтики пользовался его особым вниманием. Математик по основной специальности, он обладал мощным интеллектом, интересовался всем, и был редким эрудитом. Он мог разговаривать с каждым ученым на языке его науки. С его широтой интересов и позицией Президента Академии, он идеально подходил на роль основного космического теоретика, организующего научное наполнение космических миссий и отвечающего за их теоретические аспекты. С группой космической баллистики, которая потом выросла в отдел №5, поначалу работал он сам. Он и продолжал с ней работать вплотную, принося в отдел новые идеи и задачи, возникавшие в ходе разработки космической программы, в которой он сам активно участвовал. Поэтому при живом Келдыше отец никогда не был полным хозяином в отделе. Многие сотрудники, по понятным причинам, стремились работать с Келдышем и рассматривали именно его как научного руководителя. Вряд ли отцу это всегда было по нраву, но все это раздувалось мирно. Отец сам боготворил Келдыша, считал себя его учеником и был ему в значительной мере обязан своими успехами. Сказывался также его врожденный

---

¹⁵ ЭВМ = Электронная Вычислительная Машина было официальным советским названием того, что сейчас называют заимствованным из английского словом «компьютер» (термин введен А. Тьюрингом).

дипломатический такт¹⁶. Он искренне гордился успехами всех сотрудников, независимо от степени их близости к нему лично и с увлечением рассказывал про все их работы, включая и те, к которым сам не имел прямого отношения¹⁷.

Вообще, его отношения с сотрудниками были какими-то особенными, почти семейными. Р. М. Казакова в своих мемуарах употребила слово «любовь», как это видимо увиделось ей по прошествии многих лет ... что-ж, ей виднее¹⁸. Мать рассказывала, что, когда они оставались вдвоем, отец начинал взахлеб рассказывать о своих сотрудниках, их талантах, особенностях, успехах и т.п. Мне всегда казалось, что отдел был его настоящей семьей, делами которой он по-настоящему загорался, в то время как дома расслаблялся, делал что-то по необходимости, дурачился и рассказывал глупые анекдоты, снова вдруг мобилизуясь, когда звонил телефон, и он опять мог переключиться на волну своей настоящей жизни. Он с очевидным энтузиазмом брался помогать «своим», когда надо было кого-то куда-то устраивать, спасать, класть в больницу и т.п.

Рассказывая о них, он смотрел на меня своеобразным оценивающим взглядом, как бы молча проводя мысленное сопоставление не в мою пользу. Полуосознанное стремление изменить это отношение было одной из причин моего перехода в математическую школу. Это сработало. Он стал мной заниматься. На этой почве начало развиваться наше общение. Когда я, будучи уже первокурсником физфака, посетил вместо него конференцию по робототехнике и вернулся с предметным отчетом, я почувствовал, что возвысился в его глазах до уровня, скажем так, полсотрудника ... и от меня была какая-то польза.

Мать привыкла к его режиму, но периодически ворчала, что, по её сведениям, другие зав. отделами ходят на работу 3 дня из 5ти, а два дня в неделю работают дома. Но отец заниматься наукой дома не хотел. В его комнате размещался большой письменный стол с креслом, как бы приглашавший за него сесть, но это стол был вечно завален горой книг, журналов и бумаг, трогать которые запрещалось. Отец клал на стол что-то на потом, но «потом» никогда не наступало, и куча лишь росла. Я никогда не видел его читающим научные книги дома, хотя книг была «полна коробушка». Его главная позиция дома была на кровати с телефонной трубкой в руке¹⁹. Я мог рассчитывать на него в воскресенье утром. Он оставался в постели до полудня, и к нему можно было уютно присоседиться, согреваясь теплом его большого плотного тела.

---

¹⁶ Отец никогда не рассказывал об этой ситуации. Я узнал о ней уже в 2010 г. из разговоров с еще живым тогда Э. Л. Акимом. Он объяснил мне, что прямыми учениками отца следует считать В. А. Сарычева, [Ю. Ф. Голубева](#) и Ю. Г. Сихарулидзе. Остальные, как и сам отец, считали своим учителем М. В. Келдыша, и отец был среди них «первым среди равных». Это видно хотя бы из того, что М. В. Келдыш был у многих официальным руководителем кандидатской диссертации. Другие были вполне самостоятельны, как [М. Л. Лидов](#) (ученик академика [Л. И. Седова](#)) и [В. В. Белецкий](#).

¹⁷ Он высоко оценивал талант М. Л. Лидова, сумевшего объяснить «на пальцах» почему орбиты планетных лун близки плоскости эклиптики, гордился приоритетным результатом Э. Ф. Акима, впервые оценившего параметр грушевидности фигуры Луны, и восхищался широтой интересов Т. М. Энеева, простиравшихся от генетики до космогонии.

¹⁸ При этом надо понимать, что у отца с сотрудниками никогда не было никакой «дружбы семьями» за исключением дачного общения с Т. М. Энеевым. О взаимоотношениях между сотрудниками рассказывает Р. К. Казакова в своих воспоминаниях: они дружили и за пределами работы; случалось, что вместе ездили в отпуск. Р. К. Казакова рассказывает интересный эпизод, когда отец пытался запретить им ездить зимой в отпуск на Кавказ кататься на горных лыжах, т.к. не без оснований опасался сопутствующих травм.

¹⁹ Помню лишь одно исключение: он сидел за этим столом готовясь к лекциям в МГУ о механике космического полёта.

В какой мере его образ жизни можно считать типичным? Искренняя увлеченность наукой и готовность заниматься ей в любое время и в любом месте были в целом характерны для всей академической среды. Однако его фанатизм в работе был все же исключительным. Он был в этом отношении больше похож на лидеров космической отрасли, таких как [С. П. Королев](#) и его начальник и кумир М. В. Келдыш. Эти люди жили категорией «дело», унаследованной с военных времен и обозначающей глобальную сверхзадачу, которой следовало отдавать себя целиком. Среди других академиков можно было обнаружить полный спектр рабочих стилей от отцовского горения на работе до академиков-надомников, предпочитавших предаваться ученым занятиям в тиши и уюте домашних кабинетов. Говоря об академниках, трудно употреблять слово «типичный». Все эти люди были по-своему уникальны, и, в силу их положения в обществе, их личности, предпочтения и стиль работы проецировались на возглавляемые учреждения и влияли на окружающих. В социальном континууме академики были своего рода бифуркациями, особыми точками, создающими вокруг себя своего рода «гравитационные воронки», затягивавшие окружающих в свою орбиту.

2. Наука и политика

Космос, роботы и «разрядка напряженности»

Чем конкретно занимался отец? Какие он решал задачи и каков был его взгляд на науку?

Когда-то еще в студенческие годы он решил вариационную задачу об оптимизации полета баллистической ракеты²⁰. Предложенный им для этого частного случая вариационный принцип был позже строго доказан в общем виде [Л. С. Понтрягиным](#) и получил название «[принцип максимума Понтрягина](#)», и мы его даже проходили на физфаке. В последнее время представители отцовской школы пытаются утвердить в литературе «принцип Охоцимского-Понтрягина»²¹. Применительно к ракетам ставилась задача оптимизация расхода топлива как функции времени при полете из точки А в точку Б.

Такого рода вариационные проблемы и лежали в основе космической баллистики. В контексте космических проектов возникали три типа задач: (1) предварительное планирование и анализ осуществимости тех или иных проектов (2) расчет оптимального плана полета для конкретной ситуации, места и времени и (3) анализ траектории и расчеты поправочных импульсов для коррекций орбиты по ходу полета. Последние два типа задач входили в понятие «баллистическое сопровождение космических полетов».

Баллистическим сопровождением занимались не только в Академии Наук. Существовали и другие баллистические группы, которые независимо друг от друга просчитывали все космические миссии. Дело было слишком серьезным, чтобы доверять одному. Результаты расчетов принимались только в случае, если они совпадали у всех групп. Группы работали независимо, и прямые контакты между ними не поощрялись – они не должны были копировать

²⁰ Баллистическая ракета летит по своей траектории под влиянием трех сил: реактивной тяги (на активном участке), силы тяжести и сопротивления воздуха (когда полет проходит в атмосфере). Альтернативой являются крылатые ракеты, по сути – беспилотные самолеты. Отец иногда рассказывал, как в 50-е годы рассматривались две альтернативы построения стратегических сил: на основе крылатых или баллистических ракет. Работать в обоих направлениях государству было не под силу. Были избраны баллистические ракеты, а к крылатым вернулись гораздо позже и в другом контексте.

²¹ Голубев, Ю. Ф. Брахистохрона с сухим и произвольным вязким трением // Известия РАН. Теория и системы управления. - 2012. - № 1. - С. 24-39. На эту тему см. также воспоминания Н. Н. Моисеева «Как далеко до завтрашнего дня».

методы друг у друга. Здесь идет речь об интересной особенности всех численных решений на компьютерах – они в принципе не проверяемы, в отличие от аналитических решений, вывод которых может повторить любой специалист. Программа – это вещь в себе, и если она сложная, то возможны ошибки. Единственный способ верификации, не прибегая к прямой проверке практикой – это повторить расчеты независимо с использованием максимально различающейся методики. Так и поступали.

В королевском ОКБ-1 группа баллистиков была организована членом-корреспондентом АН СССР [С. С. Лавровым](#). В этой группе работали, в частности, [Р. Ф. Аппазов](#) и космонавт [Г.М. Гречко](#).²² Вторая группа была в военном НИИ-4. Там работал [М. К. Тихонравов](#), «отец» первого спутника и один из ведущих идеологов и энтузиастов баллистических ракет и космических исследований²³, а также [А. В. Брыков](#), И. М. Яцунский, [И. К. Бажинов](#). Еще одна баллистическая группа была организована в Институте космических исследований под руководством [П. Е. Эльясберга](#). Между этими коллективами организовывалось сознательное дублирование по конкретным проектам, но группа М. В. Келдыша была в большей мере ориентирована на перспективу, в частности на межпланетные полеты и на теоретические аспекты стыковки и стабилизации космических аппаратов. В Академии также занимались чисто научными вопросами, такими как изучение гравитационного поля Луны и планет, своего рода космическое картографирование.

В середине 70-х отец заинтересовался робототехникой и переориентировал в этом направлении часть отдела. Эти перемены были в духе времени. Политическая атмосфера, как в стране, так и в мире, смягчалась. Напряженность разряжалось, мобилизационное настроение пропадало. Всем хотелось заниматься чем-то мирным. Ученые-ядерщики также отходили от стопроцентной загрузки военными задачами. Так, академик [Я. Б. Зельдович](#), зав. отделом в том же в институте, стал заниматься астрофизикой.

Эта тенденция была также связана с масштабным развитием отраслевой науки, которая стала вытеснять Академию из прямого участия в военных и промышленных проектах. В промышленности возникла трехзвенная организация: завод – КБ – НИИ, в которой функции распределялись так: завод выпускал «изделие», КБ его проектировал, а отраслевой НИИ прорабатывал научные аспекты. Предполагалось, что НИИ будут подключать Академию к чему-то совсем уж научному и давать ей возможность фокусироваться на фундаментальных исследованиях. На практике, отраслевые НИИ, сильно выросшие количеством и размерами, стремились замыкать всю прикладную науку на себя. Однако, им выделялись средства на хоз. договора с Академией, которые должны были быть освоены. В результате, подчас возникали странные хоз. договора, которые я наблюдал в период своей работы в Институте химической физики. Один из наших договоров предполагал работу с моделью, настолько далекой от реального «боевого» процесса, что исследование теряло всякий практический смысл. Это оправдывалось требованиями секретности: используемые компоненты нельзя было расшифровывать даже приблизительно и даже в режимной академической лаборатории. При этом все сотрудники с минимальным знанием сути дела, прекрасно понимали, каков примерно реальный процесс и насколько далека от него исследуемая модель. Но это всех устраивало: средства осваивались, зарплаты платились, академические ученые имели возможность публиковаться, а отраслевые заказчики сохраняли свою сов. секретную монополию на ноу-хау и, возможно, прятали в этой секретности свои ошибки и недоработки, на которые некому было указать.

²² С. С. Лавров покинул ОКБ-1 вскоре после смерти С. П. Королева в 1966 г.

²³ М. К. Тихонравов подготовил докладную записку о проекте первого спутника и дальнейших планах по космической программе, которая была подана С. П. Королевым в ЦК КПСС в 1954 г.

Что-то похожее, происходило, видимо, и в космической сфере, хотя налаженный механизм трехкратного дублирования оставался в силе. Между коллегами-соперниками случалась и прямая конкуренция за принятие тех или иных разработок, которая часто разрешалась не в пользу Академии. Например, алгоритм управляемого входа в атмосферу, разработанный в отцовской группе для спускаемых аппаратов типа «Союз» для полетов по программе облета луны «Зонд», не был принят «на вооружение». Это было разочарованием, но позволило опубликовать его в виде книги²⁴. Отец жаловался, что космическая баллистика становится рутинной, и что отраслевики считают, что они сами с усами и не слишком нуждаются в Академии.

Все эти новые тенденции были прямым следствием экстенсивного развития науки, её количественного роста и формализации межведомственных взаимоотношений и процедур. В прежнее время руководители крупных проектов имели чрезвычайные права и могли напрямую давать обязательные к выполнению задания лабораториям и научным подразделениям вне зависимости от их подчиненности. За лидером-технократом стоял при необходимости ответственный работник ЦК, придававший убедительность его поручениям и обеспечивавший оперативное подключение необходимых производств через головы министерств (как [Л. П. Берия](#) в паре с [И. В. Курчатовым](#)). Если в 60-е годы какие-то элементы этой оперативности еще сохранялись, отчасти в силу присутствия на ключевых позициях старых лидеров, а также в силу общепризнанной приоритетности космической отрасли²⁵, то в 70-е годы, после смерти С. П. Королева, а затем и М. В. Келдыша, стала ощущаться утеря прежней динамики.

Смерть С. П. Королева была многими воспринята как конец эпохи, но не все знают, что именно после его смерти программа лунных космических станций была передана из ОКБ-1 в авиационное КБ [Н. И. Бабакина](#), которому мы обязаны чередой успехов автоматических станций на Луне, включая первые панорамы лунной поверхности, доставку грунта и луноходы. Однако, это уже были частные успехи, которые не могли спасти общего отставания. Советский аналог программы «[Аполлон](#)», довольно рискованный по замыслу, провалился уже на этапе создания тяжелой [ракеты Н-1](#), концептуального аналога американского «[Сатурна-5](#)»: ракета 4 раза взрывалась на начальной стадии полета, и проект закрыли. Программа тяжелых орбитальных станций серии «[Салют](#)» также сопровождалось такими частыми поломками станций, что их ответственный конструктор [Б. В. Раушенбах](#) был смещен с поста и отправлен «в ссылку» заведовать кафедрой на ФизТехе. Отец, обычно молчавший как рыба на темы работы, иногда скупко проговаривался, что на королевской фирме дела пошли не очень, вот Раушенбах и стал заниматься иконами...

При огромных масштабах развернутых работ, космическая программа была в идейном кризисе. Вместо того, чтобы признать отставание как факт и идти по пути несимметричных ответов (к примеру, как с автоматическими лунниками или станциями «Венера»), схватились за невероятно дорогостоящий проект «[Буран](#)» только ради копирования американцев, у которых появился «[Спейс шатл](#)». Сейчас очевидно, что это было ошибкой, так как сами американцы признали в конце концов свой «Шатл» тупиковым направлением.

В этой новой атмосфере 70х и состоялся частичный переход отцовского отдела на робототехнику. Летом 1970 г. я должен был готовиться к трудностям новой для меня

²⁴ Голубев Ю. Ф., Охочимский Д. Е., Сихарулидзе Ю. Г. Алгоритмы управления космическим аппаратом при входе в атмосферу. — М.: Наука, 1975. — 400 с.

²⁵ Не все знают, что Л. И. Брежнев, пришедший к власти в 1966 г., отвечал в прежнем составе Политбюро именно за космос, так что после его победы над Н. С. Хрущевым, приоритет космической отрасли сохранился на прежнем уровне. Л. И. Брежнев имел высшее инженерное образование и был способен к обсуждению космических проблем на техническом уровне, обладая при этом достаточным здравым смыслом, чтобы не вмешиваться в принятие конкретных решений.

математической школы. Каждое утро мы с отцом садились на садовый столик на даче: я должен был решать алгебраические примеры из задачника Шапошникова-Вальцева, а он читал книгу [Н. А. Бернштейна](#) «О построении движений», из которой он мне все время что-то рассказывал, так что мы как бы изучали её вместе. Его увлекало создание шагающих роботов, причем он собирался начать с шестиногого аппарата, имитирующего ходьбу насекомых. Из средней Азии был привезен большой [жук-чернотелка](#), снабженный сзади хвостом-«ручкой», за которую его было удобно брать и переставлять на нужное место. Его служба науке заключалась в том, чтобы бежать по движущейся ленте, в то время как сверху его снимали на киноплёнку. Быстро выяснилось, что жук ходит «трёшками»: каждая «трёшка» включает переднюю и заднюю ногу с одной стороны и среднюю с другой. Вся «трёшка» перемещается синхронно как одна нога, и поэтому жук не имеет проблем с устойчивостью: он все время опирается на три точки.

После биологической части наступила виртуальная: была разработана теоретическая модель шестиногого аппарата, который продолжали называть «жуком». Виртуальный жук бодро преодолевал препятствия и карабкался по лестнице на компьютерном экране. Реальный механический жук впервые стал ходить в Институте Проблем Механики МГУ в группе под руководством [Е. А. Девянина](#). Помимо шагающих машин, были и другие направления. Мне запомнился манипулятор, который научили собирать масляный насос для мопедов, включая даже закручивание гаек.

На почве робототехники наше общение с отцом расцвело. Здесь уже не было секретов, и он с упоением обо всем рассказывал. Внешняя канва этих работ была вполне доступна моему пониманию, хотя, как я осознал намного позже, эта была легкость балетного танца. За кажущейся простотой движений скрывалась тщательная отработка управления ими с учетом динамики всех суставов и компонент механических конечностей с их реальными характеристиками: массой, трением и т.п. Управление механической системой с учетом её реальной сложной динамики и было отцовским «коньком».

На этих примерах хорошо виден отцовский научный стиль. Он вдохновлялся практическими задачами и отталкивался от простых частных случаев, обобщая полученные уроки в более общие принципы, помогающие при решении других, более сложных задач. Путь, которым он шел, на первый взгляд казался маршрутом чисто «технарского» делания, но суть была не столько в делании, сколько в извлечении принципиальных уроков, помогавших преодолевать трудности определенного типа. Эти принципы и были тем научным знанием, которое накапливалось в конечном результате. Ведь задача состояла не в создании промышленного образца «шагалки» или манипулятора ради конкретного производственного процесса, а в отработке принципов алгоритмов управления, применимых к широкому кругу устройства подобного типа.

Выборы

Выборы в Академию были единственными реально демократическими выборами в СССР, но – ворчал отец – лучше бы они такими не были. Выборы проводились раз в год для заполнения вакансий, освобождавшихся либо в результате смерти, либо (для членкоров), в результате избрания кого-то из них академиком. На каждую вакансию подавалось много кандидатур. Сначала академики выбирали новых академиков, а затем академики и членкоры вместе выбирали новых членкоров. Желающих на каждое место всегда было много, и соревнование было яростным.

Сам факт выдвижения выделял кандидата на общем фоне и придавал ему определенный статус. Количество выдвижений служило неформальным рейтингом, который даже влиял на

формулировки в некрологах. Никто, конечно, не выдвигал сам себя. Выдвигала организация, где работал кандидат. Если уж человек начинал выдвигаться, то остановить этот процесс могло лишь избрание или смерть, даже если его регулярно «прокатывали». Достойных было много, а мест мало...

Конечный успех определялся сочетанием собственных научных достижений, административного веса, фактора групповщины, личной предприимчивости и разных приводящих обстоятельств. Среди теоретических специальностей, таких как математики или физики-теоретики, было легче понять, кто есть кто: существовала достаточно ясная планка научного уровня, игравшая основную роль. Принадлежность человека к определенной группе, уже получившей академические места, также сильно влияла на результат (хотя бы в силу того, что голосовавшие знали работы кандидата). В прикладных и технических науках человека чаще оценивали по масштабу возглавляемого учреждения (как говорили: «сколько под ним ходит»). Когда ситуация была шаткой и неоднозначной, ключевую роль начинали играть личные усилия кандидата.

Организация выборов себя любимого была сложной политической задачей. Надо было мобилизовать сторонников, заручиться поддержкой нейтралов путем взаимовыгодных «обменов», изолировать противников. Полагаться на сказанное слово было нельзя. Обещание голосовать определенным образом нуждалось в проверке. Сверка бюллетеней осуществлялась из-под полы и называлась: «Покажем друг другу». В рассказах отца обо всех этих шашнях чувствовалась двойственная интонация: он искренне старался понять правила игры и победить, но это явно была не его стихия. Быстро став членкором в 1960, он вскоре начал выдвигаться в академики, но преуспел лишь в 1991 г., когда Академия стала российской²⁶.

В связи с выборами запомнился любопытный эпизод. В период выборов у отца на столе можно было найти отпечатанные на пишущей машинке листочки с кратким изложением биографий кандидатов. Помню, что меня поразила биография будущего академика физика-ядерщика [Бруно Понтекорво](#). Согласно этому тексту, он родился и учился в Италии, затем был мобилизован в итальянскую армию и попал в плен на восточном фронте. В конце 40-х он почему-то оказался в Чехословакии, где работал в одной из научных лабораторий, и, в дальнейшем, постепенно переместился в СССР. Я искренне верил этому экзотическому повествованию, пока не узнал, уже после перестройки, что вся эта биография была полностью выдумана, но что реальность была еще экзотичнее. На самом деле Понтекорво был ядерным шпионом. Молодой итальянец, он покинул Европу в начале войны и в 40-е годы работал в одной из канадских лабораторий, занимаясь обогащением урана. Согласно данным перебежчика Гордиевского, он, по своей инициативе, принес в советское посольство в Оттаве пробирку с обогащенным ураном и объяснил, что хочет помогать СССР по идейным соображениям. Ему вначале не верили, но потом поняли, что он искренен. За несколько лет он передал много ценных материалов. Когда его положение стало опасным, его переправили в СССР, и он продолжал трудиться по своей ядерной специальности.

Выдвижения и сами выборы происходили по отделениям. Отцовское отделение называлось Отделение механики и процессов управления. Именно в это отделение рвались ведущие конструкторы всевозможных сложных и наукоемких «изделий» – от подводных лодок и самолетов до разнообразных ракет. В Отделении существовал определенный антагонизм между «учеными» и «конструкторами»²⁷. Отец, естественно, был в группе «ученых», и это

---

²⁶ Сейчас (2018 г.) РАН насчитывает 888 академиков, т.е. примерно в 3 раза больше чем АН СССР. Численность Академии была резко увеличена новым российским руководством после распада СССР при преобразовании АН СССР в РАН.

²⁷ Излишне и говорить, что все основные космические конструктора были академиками. Понятно, что с отцовской точки зрения, эти конструктора были свои, т.е. «хорошие». Помню, что будучи ребенком

противостояние ему дорого обошлось. В 1984 г. в академики выдвигался [А. А. Туполев](#), сын и наследник знаменитого авиаконструктора [А. Н. Туполева](#). Что там произошло, я точно не знаю, но отец был его конкурентом на избрание и не хотел уступить²⁸. В результате избрали именно А. А. Туполева, а отец восстановил против себя конкурирующую группировку и надолго лишился шансов на избрание. Излишне говорить, что ежегодная возня вокруг выборов, заботы, разговоры, да и просто волнение, сильно мешали работе и надолго выбивали из колеи. С другой стороны, присутствовал стимул: было куда стремиться.

Его мечта осуществилась в 1991 г., когда в связи с преобразованием советской Академии в российскую дали много дополнительных мест. И он и Т. М. Энеев стали академиками РАН. Однако вес академической «стипендии» в эти годы упал почти до нуля. Затем, уже в нулевые, «стипендия» опять стала расти и дошла до уровня порядка 1000 у. е. В общем неплохо, хотя по новым масштабам зарплат и доходов это что-то вроде советских 200-300 рублей, т.е. примерно в два раз слабее советских академических выплат.

Академики и власть

История взаимоотношений Академии Наук и российской власти заслуживает отдельного и детального изучения, которое могло бы многое добавить к нашему пониманию родной государственности. Здесь мы пройдемся по этой теме лишь кратко и в самых общих чертах.

Академия была организована в 18-ом веке и соответствовала по масштабам современному институту. По понятиям того времени больше и не требовалось. Почти все первые академики были иностранцы, работавшие за приличную по европейским меркам зарплату. Сейчас часто противопоставляют советскую Академию западноевропейским на том основании, что советская была государственным учреждением, а западные – общественными организациями. Однако, в начальный период своего существования, российская Академия вполне соответствовала европейским стандартам эпохи. Это уже в ходе дальнейшей эволюции европейские академии превратились в род почетных клубов, а российская развилась в СССР в полноценное министерство науки.

Дореволюционная российская наука дала миру немало крупных имен, но в целом отставала от уровня ведущих держав. Контакты с европейской наукой были оживленные: в Европе учились, ездили работать, публиковались. Никого не удивляли диссертации, написанные на французском или немецком – эти два языка составляли «кандидатский минимум». Для профессиональной интеллигенции того времени было типично сочетание искреннего патриотизма со стремлением учиться и стажироваться в Европе. В Европе знания приобретали, но отдавали их дома. Массовой «утечки мозгов» не наблюдалось, в значительной мере потому, что российский профессор и по положению в обществе и по уровню доходов был уважаемой фигурой. Характерная деталь: только профессора входили в здания своих университетов через основной (парадный) вход. Студенты должны были пользоваться «черным» ходом наравне с прислугой. Право использования парадного входа было едва ли не главной темой студенческих сходов и протестов и было даровано лишь после Октябрьской революции.

среднего школьного возраста, я искренне недоумевал, пытаюсь разобраться в родительском видении ситуации. Получалось, что конструктора в целом, как класс, являются нежелательным элементом в Академии, но космические конструктора – замечательные люди, безусловно достойные академических званий. Я терялся, пытаюсь найти объективный принцип, но его и не было.

²⁸ Согласно одной из версий, была предложена сделка: пусть в этом году все поддержат Туполева, а в следующем все поддержат отца. Но он отказался, так как все уверяли его, что он и так пройдет.

Среди ученых никогда не наблюдалось стремления объединиться на почве какой-то одной политической платформы. И не только потому, что среди них были (и есть) люди разных взглядов. Среди академической касты в целом распространен отстраненно-прагматический взгляд на власть, который базируется примерно на следующих посылах: (1) если данная власть и созданная ей система поддерживают меня и мое научное направление – они уже не так плохи; (2) власть состоит из людей совсем другого типа, чем я, и так будет всегда (3) глупо тратить время и энергию на свержение старой, пусть и плохой власти, т.к. новая будет не лучше, а может и хуже; во всяком случае с ней придется строить взаимоотношения заново; (4) всякая власть будет сталкиваться с теми же проблемами, и ей будет нужен хороший совет и помощь при выборе разумного решения (5) при любой власти существуют способы приносить пользу, и этим и нужно заниматься.

В круге российских политических идей господствовали три утопии: коммунизм, православное царство и либеральная республика. Противостоящие друг другу партии с несовместимыми, но равно утопичными взглядами и целями, тянули российское общество в разные стороны, как лебедь, рак и щука в басне Крылова. В этой ситуации ученые стихийно образовывали что-то вроде «партии ума», дистанцируясь от односторонности и крайностей всех политических идеологий. Поэт А. Блок с восхищением писал о своем тесте Д. И. Менделееве: «Он не либерал и не консерватор. Он – всё!». Специалистам, привыкшим решать каждую задачу своим методом, было естественно мыслить конкретными проблемами и обсуждать пути их решения исходя из насущной реальности, а не руководясь догмами притянутых извне идеологий. Тот же Д. И. Менделеев занимался не только химией, но и составил для министерства коммерции подробный отчет об экономике Поволжья, отстаивая протекционизм как необходимое средство поддержки местной промышленности, не способной конкурировать с дешевым импортом.

Похожий менталитет ощущался и в советское время. Когда я начинал с энтузиазмом говорить о чем-то диссидентском, отец улыбался и отвечал короткой формулой: «Ученый стремится к истине, а политик стремится к власти!». Если сразу было непонятно, он объяснял, что много раз видел в разных организациях, что активнее всех критикуют начальство склочники, а, дорвавшись до руководства, они оказываются хуже тех, кого они критиковали. Б. В. Раушенбах в своем живом журнале, уже после перестройки, сформулировал концепцию «какократия» (власть плохих людей), которая подразумевает, что для того, чтобы дорваться до власти, требуется проявить такой букет не самых лучших качеств, что от выигравших эту гонку нельзя многого ожидать. Однако, будучи заинтересованы в своей стабильности, власть имеющие будут нуждаться в разумном решении объективно существующих проблем, и ученые должны им помогать по двум причинам: (1) помогая им, они тем самым помогают стране и (2) они также заинтересованы в стабильности, так как только стабильная и уверенная в себе власть будет поддерживать науку. В современных терминах, руководители российской науки были и всегда будут «государственниками».

Академики не стремились в ряды подлинной оппозиции, которая расшатывает власть с целью занять её место. Но они стремились сохранить право на компетентную критику, пусть даже не публичную, но доходящую до сведения тех, кто принимает решения. Ученые относительно спокойно примирились с необходимостью отдавать дань всяким идеологическим глупостям, если у них оставалось право проталкивать свое мнение по конкретным практическим вопросам. Характерно, что после революции почти все академики-естественники²⁹ остались на своих местах, хотя во время революции большинство симпатизировало партии конституционных демократов. Но выбор был так или иначе сделан, и они оставались со своей страной при победившей власти, которая по своему характеру была им не более чужда, чем правившее до

²⁹ Речь идет об академиках в сфере естественных наук. Мы здесь не будем касаться судьбы гуманитариев, которая была намного сложнее.

революции «политбюро» великих князей. На новую власть реагировали по разному. Механик Н. Е. Жуковский радовался деловому сотрудничеству с наркомом Л. Б. Красиным, а лауреат Нобелевской премии физиолог И. П. Павлов не впустил в квартиру пришедшего к нему поговорить члена ЦК Н. Б. Бухарина – так и разговаривал с ним через порог. Академики этого поколения в партию не вступали.

Между советской властью и Академией Наук возникли особые отношения, которые и развились в дальнейшем в то привилегированное положение Академии и академиков в обществе, о котором я и веду мой рассказ. Но почему они возникли? Одна причина лежит на поверхности – это органическая связь марксизма с наукой. Ведь марксистская идеология подавалась как научная³⁰. Научный метод уважался и был чем-то вроде религии. Считалось, что коммунистическое общество будет основано на науке, и что его прогресс будут двигать научные открытия, а не жажда наживы. В воздухе витала идея, что и управлять им должны ученые – ведь политика есть продолжение классовой борьбы – а классов не будет, значит и политические партии будут не нужны. Когда я, еще наивным ребенком, спросил отца: «Папа, а как будет выглядеть коммунизм?», он отослал меня не к программе партии, а к роману [И. А. Ефремова](#) «Туманность Андромеды» – и это было всерьез. Хотя коммунизм и был политическим движением, его идеал лежал вне политики. Коммунистическая партия должна была стать последней политической партией, после победы которой партии станут ненужными, государство отомрет, а обществом будут управлять ученые.

Сколь наивным ни кажется этот утопический идеал, ученые играли в принятии решений намного более важную роль, чем кажется на первый взгляд³¹. Большевики построили авторитарное государство, имея в виду общую цель быстрого развития индустриальной экономики за счет преимуществ централизованного управления. Однако, поставив эту общую цель, они не знали не только, как её достичь, но и в чем конкретно эта цель заключалась. Даже преодолев все трудности построения эффективного аппарата управления, надо было еще наполнить содержанием конкретные планы, т.е. решить, что и как строить и производить. Поэтому после окончания гражданской войны подпольщики с дореволюционным стажем и ветераны гражданской войны отошли в тень, а к руководству хозяйством пришли «буржуазные» специалисты всех мастей. Вопросы подбора людей и размера зарплат решались на чисто прагматической основе.

Ученых увлекали масштабы задач. Ну разве не здорово участвовать в создании, скажем, химической промышленности, которой до революции просто не было? Между наукой и властью установилось взаимопонимание. Власть поняла, что хотя ученые никогда не будут «своими», но что они хотят сотрудничества. Потери Академии от политических репрессий были умеренными³². Наука поддерживалась не только по прагматическим соображениям.

³⁰ Полный курс марксистского знания состоял из пяти наук: история КПСС, диалектический материализм (общая философия), исторический материализм (философия истории), марксистская политэкономика и научный коммунизм.

³¹ Модель СССР как идеально централизованного государства придумана западными советологами и слишком упрощена.

³² Всякий разговор о масштабах репрессий усложняется отсутствием четких критериев репрессированности. Считать ли, к примеру, репрессированным профессора, приговоренного к ссылке из Москвы в Саратов на 3 года? Книга «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР» содержит список из 200 фамилий, куда входят все когда-либо арестованные бдительными органами, даже если они были отпущены после короткого следствия, т.е., строго говоря, репрессированы не были. В список включены вывезенные из Германии специалисты, интернированные этнические немцы, а также ученые, арестованные до избрания в Академию. Много сведений отмеченных знаком (?). Если отобрать только ученых, уже бывших членами Академии по естественным или техническим специальностям на дату ареста, достоверно приговоренных как минимум к лагерям и проведших под арестом более двух лет, остается 22 человека, из которых 4 было расстреляно, 3 умерли

Научные достижения использовались в пропаганде. Мощь советской науки укрепляла веру в правильность избранного курса. Здесь проявлялась специфическое качество науки, созвучное с духом всей коммунистической пропаганды: она сосредоточивала внимание на далекой перспективе. Взгляд отрывался от невзрачного настоящего и направлялся на светлое будущее, очертания которого наука помогала конкретизировать. Советские люди воспитывались мечтателями.

Но все же истинный звездный час науки был впереди. Сигналом к его началу была Хиросима. Отец хорошо запомнил этот день (6 августа 1945 г.), и часто его вспоминал. Он говорил, что смысл этого события был сразу одинаково понят всеми без исключения, от лидеров государства до последнего пьяницы. Холодная война не была объявлена, но она уже началась, и цена проигрыша была известна. Население страны, еще не забывшее панику и ужас 1941 г., усвоило три главные причины катастроф начала войны: неожиданность, неготовность, техническое превосходство противника³³. Целью новой мобилизации ресурсов была именно готовность, такая готовность, которая остановит новую войну. Первоочередная цель стала очевидна для всех и называлась она одним коротким и энергичным словом – бомба.

В этой атмосфере и было принято Постановление СНК СССР от 6 марта 1946, резко повысившее зарплаты научных работников всех уровней и фактически открывшее путь превращения руководителей науки в привилегированную элиту. Подробности и цифры можно найти в статье Зезиной (см. список литературы в конце). Тогда же были приняты постановления о строительстве дачных поселков. О дачах мы поговорим позже, а сейчас я постараюсь продемонстрировать на примере космической программы, насколько явно проявлялась в СССР ведущая роль технократии.

Серия книг Б. Е. Чертока «Ракеты и люди» ясно описывает механизм формирования советской космической программы. Новые идеи возникали в мозговых центрах крупных «фирм». Если анализ их осуществимости был успешен и они были выгодны организации в плане укрепления её статуса, перспектив роста и привлечения бюджетных средств, эти идеи формулировались в виде предложения и посылались в профильный отдел ЦК КПСС. Там получали предложения из разных заинтересованных организаций, и делали выбор, взвешивая пропагандистский эффект против ожидаемых затрат. Принятое предложение обретало форму постановления Правительства, и начиналась детальная разработка проекта. Хотя ЦК и выступал в своей обычной роли директивного органа, сами организации в лице своих первых лиц определяли фактическое течение событий. Все этапы принятия проекта и планирование конкретных миссий были строго секретными. Результаты объявлялись успешными всегда, если только не гибли люди. Советские ученые и инженеры были на высоте почти в любом случае, и полумифическая «Программа исследований космического пространства» успешно выполнялась.

Заметим, насколько радикально этот механизм отличался от того, который работал в США и привел к быстрому успеху программы «Аполлон». Там глава государства поставил четкую задачу на самом начальном этапе, когда даже её осуществимость была не очевидна; для решения поставленной задачи была создана одна мощная централизованная организация (НАСА); все ресурсы направлялись именно на этот проект и не расплывались. Как ни странно, именно в США с их политическим плюрализмом была реализована жестко централизованная схема руководства космической программой, которую логично было бы ожидать от

в тюрьме, а 7 работали в «шарашках» (цифры ориентировочные, прошу не ссылаться). Если считать, что членами Академии за эти полвека побывало около 1000 человек (грубая оценка, скорее всего заниженная), то получится около 2%. Среди гуманитариев эта цифра по-видимому в несколько раз выше. Почти во всех случаях ареста академиков отмечается бурная реакция заступничества со стороны коллег.

³³ Этот образ мыслей дожил до начала перестройки, когда постепенно стала проясняться более реалистическая картина начала войны.

однопартийного СССР. В советской программе, напротив, определяющая роль принадлежала инициативе снизу, имели место распыление ресурсов, параллелизм разработок и конкуренция.

3. Родина большая и малая

Заграница

Начиная с 1963 г. отец регулярно ездил в заграникомандировки, причем исключительно на конференции, в среднем 1-2 раза в год. Это не было типично. Среди специалистов ракетно-космического сектора «выездными» были единицы. Главные конструкторы были настолько засекречены, что население страны узнавало их имена лишь после смерти. Однако, пристойный минимум международных контактов считался необходимым, и отец оказался одним из членов «выездной» обоймы. Другие были также академическими специалистами, а если иногда к выездам и допускались люди из «фирм», им присваивались фиктивные должности в Академии.

Этот выбор понять можно. Космическая баллистика, основанная на известных законах природы и математических методах, была наименее секретной компонентой космического ремесла. Баллистическое планирование важно было держать в секрете до полета, а после можно было и опубликовать его общие принципы. Подобные публикации давали представление о космической программе в целом и были идеальны в качестве рекламы. Конференции давали возможность что-то узнать и установить полезные контакты. Надо думать, что стремление к ограниченной публичности подкреплялось еще и сопоставлением с намного большей степенью открытости американской космической программы.

Этот аспект отцовской деятельности стал мне вполне понятен лишь после того, как я сам стал играть подобную роль «научного пиарщика» в своей бельгийской компании. Мне поручали писать статьи и выступать с докладами не только по своим работам, но и по тем, к которым я имел мало отношения. Считали, что это даже хорошо, что я понимаю их лишь в общих чертах – я не мог, даже случайно, выдать чувствительные детали. Стремление экранировать реальных носителей ключевых ноу-хау и выставлять на публику в меру компетентного и поднатворившего в этой функции технического представителя наверняка присутствовало и в советской космической программе. По моим сведениям, в период запуска первых спутников эту функцию исполнял Л. И. Седов, имевший к космической программе довольно косвенное отношение.

Впрочем, людям из королевской фирмы тоже иногда удавалось прорваться за рубеж. Примечателен эпизод с [В. С. Сыромятниковым](#), конструктором стыковочного узла. В 1970 г. ему было разрешено отправить доклад об электромагнитном демпфере устройства стыковки на американскую космическую конференцию. После многих согласований и разрешений был подготовлен доклад с участием нескольких авторов, включая отца и сотрудника его отдела А. К. Платонова. Разрешение на выезд оформляли на всех, однако на этапе согласования в ЦК КПСС, Сыромятникова вычеркнули – решили, что он слишком много знает, и что теоретики расскажут и без него. Отказ пришел за 36 часов до вылета, а у Сыромятникова не было ни разрешения, ни заграничного паспорта. Я смутно помню тревожения, связанные с этим эпизодом, но лишь недавно, из мемуаров В. С. Сыромятникова, эта история развернулась передо мной во всей своей красе³⁴.

---

³⁴ В. С. Сыромятников. «100 рассказов о стыковке».

<http://epizodsspace.airbase.ru/bibl/syromatnikov/100/05.html>

Оказывается, узнав об отказе из ЦК, отец встал на упоры и сказал, что без Сыромятникова не поедет. На него пытались надавить в плане партийной дисциплины, но он не уступил. Ему удалось убедить Президента Академии М. В. Келдыша, и тот потребовал внеочередного созыва комиссии ЦК. Разрешение поступило за несколько минут до закрытия Отдела внешних сношений АН СССР, и Сыромятникову удалось получить паспорт и полететь на конференцию. В этой ситуации проявилась еще одна малоизвестная привилегия Академии: она была единственным ведомством, наделенным правом прямой выдачи загранпаспортов своим командировочным. Остальные министерства обращались в ОВИР на общих основаниях. Выезжающие сотрудники Академии проходили проверку в академическом Особом отделе, и паспорта, по указанию академического руководства, при необходимости выдавали очень оперативно. В руководящих кругах говорили: «Президент Академии отвечает за своих людей». Хотя я всегда считал отца сверх-осторожным дипломатом, у него было и другое лицо, о котором я узнаю только теперь из воспоминаний его коллег. В решающие моменты, когда речь шла о чем-то, что он считал важным, и он был уверен в своей правоте, он сбрасывал маску конформиста и был способен на решительные поступки.

Пребывание за границей обставлялось множеством ограничений и унижительных правил. Ездили большими делегациями, в которые включались для присмотра «инженеры в штатском». Выходить в город можно было только по двое. На командировочные расходы давали небольшую сумму в валюте на еду. Остатки этой суммы при возвращении полагалось сдавать и обменивать на чеки Внешторга по официальному рублевому курсу. На эти чеки можно было приобрести что-то дефицитное в специализированных магазинах «Березка». Командировочные набирали в чемоданы батоны копченой колбасы на прокорм, чтобы привезти домой побольше чеков. Как мы теперь знаем из воспоминаний, этим занимались даже звезды Большого театра. Отец, однако, всегда честно проедал свои деньги и на моей памяти привозил домой лишь сувениры.

Эти поездки были настолько праздничными и памятными событиями для их участников, что авторы мемуаров пишут о них на удивление много, как о наиболее ярких страницах своей жизни. Так, конструктор управляемых ракет воздух-воздух [Е. А. Федосов](#) пишет о своей поездке в Норвегию в 1963 г. в составе делегации, куда входили также отец и Б. В. Раушенбах³⁵. Для отца это был первый выезд в капиталистическую страну. Федосов пишет, что ответственный работник ЦК откровенно восхищался Норвегией и напутствовал их словами: «Ребята, вы увидите коммунизм!»

Отношение советских людей к загранице сильно отличается от нынешнего, и требуются серьезные культурологические исследования, чтобы реконструировать его на языке, понятном современным россиянам. Нашим современникам, следящим за любыми значимыми событиями по интернету в реальном времени и имеющим полный доступ к любым мнениям, текстам и изображениям, трудно понять угнетающее воздействие информационной закрытости в сочетании с очевидной лживостью пропаганды, мешавшей уважать собственную страну и её правителей. Обостренный интерес советских людей к загранице был мотивирован в значительной мере элементарной любознательностью и желанием лично прочувствовать как выглядит жизнь на «загнивающем» Западе под властью капиталистов, и в какой именно степени далека от истины официальная пропаганда.

Примечательно, что летчик-перебежчик Беленко, угнавший по собственной инициативе МИГ-25 в Японию в 1976 г., потребовал от ЦРУ в качестве вознаграждения не деньги, а возможность посетить американскую военную авиабазу и авианосец – и был поражен высоким профессионализмом и уровнем организованности в сочетании с непривычной для советского военного атмосферой равенства солдат и командиров. В своих интервью Беленко озвучил

---

³⁵ Е. А. Федосов. Мемуары. http://militera.lib.ru/memo/russian/fedosov_ea/04.html

основную мотивацию своего предательства, связанную с потерей доверия. Он говорил, что понял по американским достижениям, что США не могут быть «плохой» страной. В то время как пропаганда твердила о преимуществах советской системы, о её технических и социальных достижениях, факты все упрямее свидетельствовали об обратном. Огромное пропагандистское значение сыграли полеты американцев на Луну, явно обозначившие их техническое превосходство. Пропаганда коммунизма попала в ловушку собственного рационализма: убеждая людей, что каждый должен выбрать коммунизм потому, что он прогрессивнее и потому обречен победить в соответствии с историческими законами, она была не готова к ситуации, когда через полвека после революции полученный аванс народного доверия был растрочен, а отставание лишь возрастало. В советской идейной системе не хватало места для патриотизма эмоционального плана, призывающего любить свою страну не по какой-то причине, а просто за то, что она своя.

Отец также стремился составить свое мнение о загранице и поделиться впечатлениями «оттуда» с семьей, друзьями и коллегами. Он всегда брал с собой фотоаппарат и кинокамеру и после каждой поездки устраивал дома своеобразный кино- и фото репортаж с демонстрацией фильма и цветных слайдов³⁶. Фотографировал он гораздо больше, чем нужно, и эти показы было трудно высиживать до конца. По-моему, с наибольшим энтузиазмом смотрел эти слайды он сам, повторно переживая яркие воспоминания от поездки. Основные впечатления, которое я вынес из этих репортажей было – обыкновенности. Заграничные городские и придорожные пейзажи вовсе не казались какими-то особенно другими, а люди выглядели не слишком отлично от москвичей. Атмосферу другой страны этот видеоряд не передавал.

Более интересными и важными для меня были его рассказы. Отец гораздо больше говорил о том, как «там» работают, чем о материальном изобилии. В его кругах говорить о «барахле» было вообще как-то неприлично. Мы, конечно, знали, что на Западе почти у всех есть машины и свои дома, но реальный восторг вызывало не это, тем паче, что мы и здесь жили неплохо. Поражало его то, что когда он посещал университеты или лаборатории, он видел только людей, явно и очевидно занятых делом. Когда кто-то отрывался от работы, чтобы ему что-то объяснить или куда-то проводить, то, освободившись, при первой же возможности возвращался на рабочее место к своим обычным занятиям. Эта атмосфера разительно отличалась от благодушной расхлябанности позднесоветских научных учреждений. Поэтому меня не удивляло, что если «там» работают в два-три раза интенсивнее, то и живут во столько же раз лучше. Говорили, что когда на импортном из Италии Волжском автозаводе в Тольятти запустили итальянский конвейер, то его скорость оказалось нереально высокой для нашего персонала, и её пришлось уменьшить примерно в той же пропорции, т.е. в 2-3 раза. В противоречии с выводами марксизма, государство без капиталистов было не в состоянии обеспечить сопоставимую производительность труда. Отец не мог, да и не стремился, теоретически осмыслить увиденное, но впечатление о том, как там «вкалывают» было очень сильным и во многом предопределило мою будущую готовность к эмиграции. Мне казалось, что по крайней мере в этом плане мое заграничное существование будет органичным – что в целом и подтвердилось.

Другой важной компонентой моей информации о загранице был ежемесячный журнал «Америка», который издавался в США в количестве 50 тыс. экземпляров и распространялся по ограниченной подписке, к которой, в частности, имели доступ члены Академии. Журнал писал об американской космической программе, о жизни средних американцев, о политическом устройстве, Президентах и т.п. Понятно, что ничего прямо антисоветского там не было,

---

³⁶ В магазинах «Кинолюбитель» продавалась восточно-германская обратимая цветная пленка «Кодак», однако не было вообще никакого сервиса по её проявлению. Отец обращался за помощью к знакомому, работавшему в академической фотолаборатории.

напротив – подчеркивались союзнические отношения во время войны, которые у нас замалчивались. Создаваемый журналом образ Америки сильно отличался от того, который рисовался советскими СМИ, но неплохо смыкался с тем, который возникал из литературной классики, т.е. из произведений Джека Лондона, Хемингуэя, Драйзера, Хейли и др. Уже качество полиграфии выгодно отличало журнал «Америка» от советской прессы. Достаточно было взять его в руки и открыть, чтобы ощутить, что это – послание из иного, высшего мира. Это ощущение вряд ли будет понятно современным россиянам, привыкшим к тому, что теперь качество российской продукции, включая журнальную и книжную, мало отличается от общемирового. Помню, что на меня в журнале «Америка» наиболее яркое впечатление производили фотографии человеческих лиц крупным планом – от Президентов до людей с улицы. Чувствовалось дыхание другой культуры, построенной на внимании к человеческой индивидуальности.

Сравнивая холодную войну с теперешней геополитической конфронтацией, можно констатировать совсем другое отношение к противнику, которое придаёт теперешней ситуации слегка карикатурный оттенок. Хотя холодная война была настоящим и довольно напряженным военным противостоянием, среди советских людей не было чувства враждебности и даже неприязни к американцам как к нации, не говоря уже о национальном высокомерии. Мы не называли американцев «америкосами» или «пиндосами». Отставание присутствовало, но оно было измеримым. Уровень достижений противостоящих лагерей и их влияния в мире был во многих отношениях сопоставимым. Мы не чувствовали себя представителями какой-то уникальной, от всех отличной, и непонятной самой себе цивилизации, а вынужденными наследниками вполне определенной школы политической мысли, ценность которой мы сами подвергали сомнению, но которая в то время еще вполне очевидно и властно утверждала свое право на существование.

Дачи

Академические дачи были построены сразу после войны. Понять это решение непросто – ведь страна была в руинах, а в городах еще жили в бараках и коммуналках. Но правительство решило, что ученые важнее. Хронология основных постановлений делает логику этого решения более понятной. Первоначальное решение СНК было принято в 14.10.1945, вскоре после американских атомных бомбардировок (на оценку события ушло около двух месяцев). Второе постановление, конкретизирующее сроки и ответственность, было выпущено 10.03.1946, т.е. рассматривалось в контексте упоминавшегося ранее судьбоносного для советских ученых постановления от 06.03.1946 о повышении зарплат научным работникам. Под Москвой строилось три поселка: Луцино, Мозжинка и Абрамцево, общей емкостью около 150 дач. Судьба нашей семьи связана с поселком «Абрамцево», о котором в библиотеке Воздушного Замка уже имеется книга воспоминаний, изданная Н. Ю. Абрикосовой, а также много фотографий.

Сборные дома для дач были закуплены в Финляндии³⁷. Все дома были одинаковы и представляли собой распространенный в то время типовой вариант каркасного дома, рассчитанного на зимнее проживание. Поселки строили пленные немцы. К каждой даче полагался участок размером около гектара дикого леса. Участки были нарезаны неодинаковыми – их величине просто не придавали большого значения. Никто не считал эту землю собственностью. В любом случае участки были большими и давали ощущение дома, стоящего в лесу. Большинству хозяев это не нравилось. Многие, включая и моего отца,

³⁷ По другим сведениям, получены в качестве репараций (возмещение военного ущерба). Если это так, то возведение академических поселков не сильно отяготило бюджет.

вырубали лес на передней части участка, чтобы придать фасадной части участка вид парка. Дача состояла из двух домов: большого, для хозяев³⁸, и маленького, состоящего из гаража и двух комнат, которые первоначально предназначались для прислуги и шофера, но на практике там жили друзья или родственники, а гараж часто переделывали в комнату. При этом меркантильное использование дач исключалось: о взимании арендной платы с тех, кого пускали пожить, не могло быть и речи. Считалось нормальным, что тот, кому больше повезло в жизни, может поделиться своим счастьем со старым другом или менее удачливым родственником.

Рисунок 1. Вид стандартной абрамцевской дачи в 2011 г. Лес перед домом вырубил

---

³⁸ На первом этаже этих дач – четыре комнаты среднего размера и две веранды: одна открытая, другая застекленная. На втором этаже – еще две комнаты, лоджия и объемистый чердак.

Рисунок 2. Вид на маленький домик со стороны дачи. Первоначально, маленького домика не было видно из-за сплошных зарослей елей и орешника.

Первоначальные хозяева дач получили их в виде подарка. Другая часть дач принадлежала Академии и сдавалась в аренду. Когда отец был избран в членкоры и получил права на академическую дачу, он сначала жил год на арендованной даче, а в 1964 г. купил дачу у вдовы академика [С. П. Обнорского](#), известного филолога, редактора академического словаря русского языка. Поселок был в целом на балансе Академии, но дачи принадлежали их хозяевам и могли передаваться по наследству, а также продаваться другим членам Академии³⁹. Сейчас, конечно, их полностью приватизировали, и некоторые уже принадлежат новым хозяевам, а в остальных еще живут потомки академиков, во многих случаях разделившие их на две и более частей.

В поселке сформировалось отчетливое чувство идентичности и вполне определенная субкультура, многие черты которой хорошо освещены в книге Н. Ю. Абрикосовой⁴⁰. Я, однако, убежден, что значение этих поселков в контексте позднесоветского социума еще не вполне оценено и даже не вполне понято. Большинство постоянных жителей Абрамцево проводили в нем так много времени, что поселок стал для них не просто местом отдыха, а вторым, если не первым местом жительства. Причем именно абрамцевское время было временем настоящей, качественной, свободной жизни. В Москве лишь работали, а в Абрамцево – жили. Абрамцево оказалось для нас малой родиной, сформировавшей нашу идентичность и наше самоуважение. Эта малая родина была не просто куском природы, а сообществом людей общей культуры и одного рода занятий. К чисто поселковой идентичности добавлялось намного более мощное и значимое чувство принадлежности к научной касте, я бы даже сказал – научной аристократии.

³⁹ Исключением была дача, проданная писателю [Юрию Казакову](#).

⁴⁰ В составе моих мемуаров имеются также два абрамцевских очерка: «Академик И. М. Виноградов» и «Б. Н. Делоне, его внуки и Веничка Ерофеев», которые дают представление о дачной атмосфере.

Ведь поселок был уникальным местом, в котором академики и члены их семей жили в рамках одного сообщества, в котором их примерное равенство между собой сочеталось с очевидно высоким статусом относительно остального общества, расположенного за пределами его границ. Не будь такого поселка, где бы еще сами академики, работавшие и жившие отдельно друг от друга, могли бы развить чувство локтя и осознать себя как целостную социальную группу, высоко ценимую обществом? Где еще их дети, живущие в Москве далеко друг от друга и посещавшие разные школы, могли бы жить среди себе подобных по «крови» и вполне осознать, какого гнезда они птенцы? Если в школе я ощущал каждой клеточкой, что я не такой как все – здесь все были свои, и друзья моих детских лет были именно здесь⁴¹. Человеку чрезвычайно важно знать, что он – такой, какой он есть – не один.

Профессиональная кастовость была вообще развита в СССР: дети врачей часто становились врачами, дети военных – военными и т. д. Дети академиков конечно редко становились академиками, но почти все кончали университеты и получали научные степени. Поселок, сконцентрировав в одном месте научное патрицианство, как никакое другое учреждение способствовал формированию социальной идентичности научной элиты. Солидность самого поселка и масштабность дач и участков явно способствовали тому, что чувство кастовой идентичности дополнялось чувством собственного достоинства и значимости в мире.

Характерной чертой дачной суб-культуры были прогулки «по кругам». В поселке широкие мощеные улицы, по которым приятно прогуливаться. Между краем мостовой и заборами имеется просторный газон, так что улицы ощущаются как парковые аллеи. Эти улицы и были главной средой общения. Выходя с отцом погулять, я хорошо знал, что сейчас мы кого-нибудь встретим, начнутся светские разговоры, и обо мне забудут. О чем же говорили?

Умные разговоры

Говорят, что художники, когда встречаются между собой, обсуждают не искусство, а где купить дешевые краски, кисти и растворитель. Так что, видимо, не стоит удивляться, что о науке в собственном смысле говорили очень мало, тем более, что у многих она была секретной. Мой детский слух улавливал поток имен: обсуждали академическую политику, вопросы связанные с выборами, выступлениями, защитами, конфликтами, комиссиями, проверками, назначением на должности, взаимоотношениями и т.п. У отца при этом можно было ощутить специфический слегка напряженный тон. Чувствовалось, что невзирая на расслабленность обстановки, он вполне сосредоточен, обдумывает каждое слово и вообще старается больше слушать, чем говорить – за это качество его наверняка считали приятным собеседником. Диалог шел не по принципу «каждый о своем», а выдерживалась определенная тема, причем немногословный отец почти всегда предоставлял право выбора предмета собеседнику и с большим или меньшим удовольствием ему «подыгрывал». Чувствовалась культура разговора. Не помню случая, чтобы один собеседник перебил другого. Так как люди были солидные и знающие, часто удавалось услышать что-то интересное, но скорее в плане интересных фактов, чем оригинальных мыслей. Пережившие сталинизм научились ограничиваться безопасными темами. Невзирая на интенсивность общения «на кругах», к себе на дачу приглашали крайне редко. В дом – почти никогда. Иногда сидели вместе на открытой веранде.

Несколько более расслабленным и неформальным было общение в узком кругу «космической троицы», включавшей, помимо отца, Б. В. Раушенбаха и Т. М. Энеева. Оба отличались широтой познаний и живым интересом к гуманитарным темам. Слушать их было для меня очень полезно, так как отец этими качествами не отличался и был, по сравнению с ними,

---

⁴¹ До поступления в математическую школу, т.е. до 7го класса. Математическая школа №2 была таким же «инкубатором» научной элиты, как и поселок.

чистым «технарем». В нашей семье искусство восторженно пропагандировала мама. Отец не смел с ней спорить, но порой подтрунивал. Помню, как он иронизировал по поводу заключительной сцены балета «Спартак» в постановке Якобсона. «Представляете, - говорил он, - открывается занавес, а на сцене – кресты с распятыми рабами. И весь зал аплодирует!»

Супруга Бориса Викторовича Раушенбаха была заместителем директора Исторического музея, и это, очевидно, способствовало его гуманитарным увлечениям. Покинув ОКБ-1, он стал интересоваться историей православия, иконами и даже богословием. В частности, он предложил свою интерпретацию учения о Св. Троице, основанную на опыте созерцания иконы Андрея Рублева⁴². За эту теорию его жестоко и, на мой взгляд, отчасти справедливо, критиковали церковные богословы. Он публиковал статьи на разные темы истории российского христианства, а потом выпустил в 1975 г. ставшую известной книгу «Пространственные построения в древнерусской живописи». Книга была замечательна уже тем, что в центре внимания находились иконы. По тому времени это было смело и неординарно. Позже, уже в 90е годы, он продолжал активно писать, и, в результате, оставил после себя богатое и разнообразное литературное наследие. Самим фактом своего переключения с техники на иконы Борис Викторович оказал на меня большое влияние. Держа в одной руке его книгу по теории вибрационного горения, а в другой – книгу об обратной перспективе в живописи, я спрашивал себя, а смогу ли я когда-нибудь совершить подобный прыжок.

Тимур Магометович Энеев также отличался поистине космической широтой интересов. Он использовал методы компьютерного моделирования для решения проблем космогонии галактик, образования солнечной системы и даже генетики. Он говорил много и увлеченно буквально обо всем на свете. От него я узнавал о русской религиозной философии, о проблеме поворота северных рек, о борьбе с Лысенко, о коллективизации, совнархозах и косыгинской реформе. Своими разговорами Тимур Магометович помог мне определиться в плане политической ориентации. В старших классах я эволюционировал в сторону диссидентства, но откровенный нигилизм был мне чужд. Отец влиял на меня своим конструктивным подходом к жизни, но какой-то определенной политической философии у него просто не было. Лозунг Тимура Магометовича «нужны реформы!» пришелся мне по душе и помог как-то зафиксироваться в мысленных метаниях между противостоящими идеологиями. Реформы – это изменения, но постепенные и опирающиеся на то, что есть в наличии. Реформист должен хорошо понять настоящее, чтобы сделать шаг в сторону его улучшения. Позднее, М. С. Горбачев был воспринят именно как реформист, и в этом качестве его единодушно приветствовала вся интеллигенция. Но в 70е годы о перестройке еще и не мечтали, и под реформами имелись в виду административно-экономические преобразования типа «косыгинских» реформ, внедривших во взаимоотношения между предприятиями элементы хозрасчета и рыночной экономики.

Обсуждение этих реформ, связанных с именем А. Н. Косыгина, единственного человека в правящей тройке, которого мы считали экономически грамотным и вполне достойным своего места руководителем, занимало важное место и в печати и в разговорах. Это была одна из немногих тем, по которым шла дискуссия и высказывались, хотя и осторожно, разные мнения. Реформа предполагала, что плановые показатели количественного производства продукции дополняются или даже заменяются финансовыми показателями типа плана по прибыли. Реформа должна была стимулировать предприятия зарабатывать деньги и работала лучше в сфере производства товаров для населения, чем в тяжелой промышленности, в которой она подчас вела к откровенным парадоксам ввиду отсутствия реального рынка, контролирующего ценообразование. Наиболее радикальным вариантом реформы такого типа была бы «югославская модель», в которой предприятия принадлежали бы не государству, а трудовым

---

⁴² См. <http://nesusvet.narod.ru/ico/books/raushen/predstoya.htm>

коллективам и действовали бы в условиях реального рынка как независимые агенты. Между югославским «анархо-синдикализмом» и ограниченными косыгинскими преобразованиями существовал широкий спектр возможностей, в рамках которого дискуссия и велась. Об обратной трансформации социализма в капитализм никто и не заикался, хотя говорили о возможности разрешить частную инициативу в сфере торговли и сервиса.

Подчеркну, что основной проблемой советской системы считали не однопартийность, не нарушения прав человека, и даже не низкий уровень жизни, а низкую эффективность экономики и плохое качество продукции, которое бросалось в глаза и лезло из каждой дырки. Необходимость мобилизовывать ученых, инженеров и студентов на сбор урожая картошки ясно указывала на неэффективность управления сельским хозяйством. От людей узнавали о вопиющих фактах, о которых не писали газеты. Так, в Узбекистане горожане массами мобилизовывались в осенние месяцы на уборку хлопка. Много говорили о неудаче хрущевских совнархозов и о последовавшей за этим утере динамики в экономике, которую позже окрестили словом «застой». Исправление ситуации виделось в разумном применении экономических стимулов как для трудящихся, так и для предприятий, но как именно это делать, никто не знал. Проблема уровня жизни представлялась вторичной: если экономика заработает и улучшится качество продукции, то и уровень жизни поднимется.

В этих разговорах проявлялась умеренно-конструктивная оппозиционность академического сообщества. Характерно, что в качестве возможных моделей для подражания фигурировали не капиталистические страны, а восточно-европейские страны социалистического лагеря. Мы хорошо знали, что там сохранялись мелкие частные предприятия в торговле и сфере обслуживания, особенно кафе и рестораны. Там не было сплошной коллективизации, и еще остались крестьянские хозяйства фермерского типа. Будучи почти изолированными экономически от капиталистических стран, мы получали много товаров из стран социалистического лагеря, и эти товары были, как правило, лучше советских. Мы носили чешскую обувь, румынские рубашки, польские куртки и плащи и т. п. Мы фотографировали на ГДР-овскую цветную пленку и учились программировать на компьютерах серии ЕС ЭВМ. Можно даже сказать, что в определенном ограниченном смысле СССР был сырьевым придатком восточноевропейских стран. Ну а раз они научились организовывать промышленность на социалистических принципах лучше нас, значит у них есть чему поучиться. В начале перестройки такие идеи еще продолжали звучать, но затем вектор развития резко развернулся в сторону полной реставрации капитализма.

Квартиры

Если в поселке «Абрамцево» был реализован единый и вполне определенный стандарт дачной жизни академиков, то с квартирами все было иначе. Никаких домов специально для академиков не строилось, хотя на Ленинском проспекте и стояло несколько полу-ведомственных домов, где часть квартир распределялась среди сотрудников Академии. В квартирном вопросе явных нормативов не было. Каждый член Академии сам занимался «выбиванием» себе квартиры, и этот процесс никто не афишировал. О результатах я могу судить по отдельным примерам – общая картина мне неизвестна и никаких публикаций на эту тему я не видел. Думаю, что метраж академических квартир существенно превосходил среднестатистические показатели по Москве, особенно у академиков старших поколений. Причем академики жили, как правило, именно в государственных (т.е. бесплатных), а не в кооперативных квартирах.

В стандартных советских домах новой постройки имелись 3 вида квартир: однокомнатные (примерно 25%), двухкомнатные (примерно 50%) и трехкомнатные, бывшие мечтой каждого советского семейства. Для многодетных семей (3 ребенка и больше) предусматривалось

небольшое количество четырехкомнатных квартир. Но в Москве было и много старых домов с многокомнатными квартирами, которые после революции превращались в коммунальные. Были также дома раннесоветской постройки, в которых квартиры изначально планировались как коммунальные. Коммуналки, однако, расселялись, и большие квартиры постепенно освобождались. Так что существовал негласный ресурс больших квартир, часть которых распределялась среди членов Академии. Так как весь жилой фонд официально контролировался органами советской власти, а фактически – районными комитетами КПСС, то для выделения квартиры требовался запрос от имени Академии в райисполком, поддержанный в партийных органах.

Отец родился и жил с родителями в двух комнатах обычной коммунальной квартиры на улице Сретенка, в которой провел и я первые три с половиной года жизни. Став членкомом в 1960 г., он вскоре переехал со всем семейством, включая престарелых родителей, в новую четырехкомнатную квартиру на углу Ленинского и Университетского проспектов – в то время почти граница города. О своих чувствах к этой квартире, в которой прошло мое счастливое детство, я уже писал в других воспоминаниях.

Принцип распределения жилого пространства в советских квартирах был скорее персональным, чем функциональным. Так как статус отца в семье был близок к божественному, выделение ему отдельной и самой удобной и большой комнаты вполне понятно. Эта комната была и спальней и кабинетом одновременно. Там стояла кровать и письменный стол с рабочим креслом. Вдоль стен размещались изготовленные на заказ книжные шкафы с глубокими полками, вмещавшие книги в два ряда. Примечательно, что даже при наличии достаточного квартирного простора, в советских семьях отсутствовала буржуазная идея супружеской спальни. Большие кровати и полные наборы мебели для спальных комнат появились в продаже в течение 80х годов. Внедрение буржуазных стандартов домашнего дизайна было прекурсором возврата буржуазных производственных отношений.

Разговор о квартирах снова возвращает нас к теме исключительности академических привилегий. Сравним академиков с деятелями искусства, например, с гремевшими на весь мир звездами балета Большого театра. Поставить их рядом оправданно. Балеруны в чем-то даже лучше и важнее. Ведь если в космосе мы отстали, то в балете так и остались первыми. Сопоставление материальных условий, однако, поражает. Солисты Большого, как теперь известно по воспоминаниям, получали в месяц около 150 рублей, превосходя аж на тридцатку танцоров кордебалета. Видимо, считалось, что славы им достаточно⁴³. Во время зарубежных гастролей они зарабатывали суточными в соответствии с описанной выше схемой. Внеочередное получение двух- или трехкомнатных квартир было их потолком в жилищном вопросе. Обожавшая их министр культуры Е. А. Фурцева большего сделать не могла. Её административный ресурс был несопоставим с тем, что мог себе позволить Президент Академии наук. Трудно отделаться от впечатления, что, хотя все дружно аплодировали балету, отцовское отношение к искусству, как к чему не вполне серьезному, было характерно для всей технократической элиты, мнения и вкусы которой делали погоду⁴⁴. А ведь и вправду, ногами подрыгать или картину намалевать – это тебе не самолет построить и не ракету пустить!

Отпуска и отдых

⁴³ Значительное число балетных «невозвращенцев» не удивительно.

⁴⁴ По моему мнению, такое отношение к искусству восходит к Л. Н. Толстому, так же как и академическая концепция конструктивного добра. М. В. Келдышу приписывают вполне толстовское по духу изречение: «надо не бороться со злом, а делать добро», которое довольно точно выражает этические принципы советских академиков.

Но если трудовой вклад лидеров науки и техники оценивался так высоко, то надо думать, что нанимавшее их государство озаботилось получением с них максимальной трудовой отдачи. Уж наверное оно следило, чтобы они все время были в деле! Ведь чем выше квалификация человека, тем дороже цена пропущенного им рабочего дня. Но, в действительности, дело обстояло прямо наоборот. В СССР была разработана уникальная система отпусков, ставящая их длительность в прямую зависимость от квалификации. Неравенство отпусков, длительность которых у разных категорий трудящихся различалась примерно в 3 раза, еще усиливало неравенство доходов.

Эта система действительно была уникальной, так как в мировой практике предусмотренный законом минимальный размер оплачиваемого отпуска обычно и определяет длительность отпусков для всех работающих независимо от их статуса (возможно, с небольшими добавками за выслугу лет). В СССР законодательный минимум составлял традиционные 15 рабочих дней, но шкала отпусков ценных научных кадров взмывала в космическую высь. Младшие научные сотрудники без степени могли отдыхать 18 рабочих дней, кандидаты наук – 24, доктора наук – 36. Отец мог отдыхать 48 рабочих дней. Я точно не знаю, определялась ли последняя прибавка его членством в Академии или должностью заведующего отделом. Чтобы оценить размер отпуска в неделях, количество дней надо разделить на 6, т.е. он мог отдыхать почти два месяца.

На практике это означало, что он жил на даче значительную часть летних школьных каникул, как и большинство других владельцев абрамцевских дач. Отдыхал он солидно и всерьез, рассматривая это и как допустимую радость в жизни, и как своего рода обязанность – отдохнуть и вернуться к работе в хорошей форме. Академики, за редким исключением, спортом не занимались. Хорошее питание и неспешные пешие прогулки на природе были главным средством восстановления утомленных нервов. Иногда он читал книги связанные с работой. Однажды он работал во время отпуска вместе с Ю. Ф. Голубевым над книгой об управляемом входе в атмосферу. Юрий Филиппович позднее с удовольствием вспоминал эти дни, их солидный медленный темп, в котором регулярное принятие пищи и неторопливые прогулки считались со столь же основательной и качественной работой над текстом. Дачная жизнь создавала убедительный противовес московской суетливости и беготне и как бы молчаливо демонстрировала как надо жить на самом деле.

Длинные отпуска в сочетании с высокими зарплатами как нельзя лучше характеризуют академиков именно как высший класс общества, а не как высокооплачиваемых консультантов. Консультанту платят за время работы – и больше он не нужен. Но аристократия заботится не только о презренных бумажках, но и о более весомых жизненных благах, в частности об обеспечении себя и своего потомства семейными усадьбами. Аристократия ценит не только работу, но и досуг и пускает корни в родную почву всерьез и надолго. Номенклатура, для сравнения, удовлетворялась безликими госдачами, которые не могли быть переданы по наследству, уже не говоря об отпусках и зарплатах. Так кто же кого обслуживал: академики – номенклатуру, или наоборот?

Санаторий «Узкое»

Завершая наш краткий, отрывочный и неизбежно поверхностный экскурс по обычаям и нравам страны Академии, вернемся к тому, с чего мы начали и посетим подмосковный санаторий «Узкое», в котором академики могли отдохнуть еще полнее и качественнее, чем на даче. В отличие от большинства других привилегий, санаторий не был ни бесплатным, ни дешевым. Стоимость месяца пребывания составляла, если не ошибаюсь, 500 руб.⁴⁵ на одного человека. В

⁴⁵ В этой цифре я не уверен, пусть меня поправят те, кто знает точно.

80-е годы отец стал разделять свой отпуск на две части: месяц летом на даче и месяц зимой в «Узком».

Я несколько раз жил там у него в течение студенческих каникул. Вокруг был просторный лесопарк, в котором можно было кататься на лыжах. В «Узком» была замечательная библиотека, которую обошли стороной кампании по изъятию запрещенной литературы. Там, к примеру, я прочитал романы Савинкова о террористах. Помню, что они произвели на меня удручающее впечатление: получалось, что путь честного революционера-террориста заведомо смертный, но ради чего надо было убивать полицейских начальников и гибнуть самим во цвете лет оставалось непонятным. Получалось, что революционная романтика засасывала молодежь в какой-то омут безо всякого смысла. Возможно, Савинков считал это чем-то самоочевидным и писал этот роман для единомышленников, но мы-то как раз и стали подвергать сомнению эту очевидность.

Отец жил в двухкомнатном номере. Вторая комната имела вид гостиной с диваном, на котором я спал. Он за меня доплачивал, и я жил там вполне официально, питаюсь вместе с ним три раза в день в общей столовой. Отец подружился с Д. С. Лихачевым, и мы все время сидели с Лихачевыми за одним столом. Дмитрий Сергеевич жил в «Узком» подолгу вместе с супругой. По-видимому он там и работал. В нем чувствовался культурный человек хорошего дореволюционного воспитания, принадлежавший поколению моей бабушки. Мы с отцом такими не были – мы были совками – но, воспитанные бабушкой, мы могли входить в резонанс с его петербургским стилем общения. Дмитрий Сергеевич был в моих глазах живым связующим звеном, олицетворявшим живую эстафету научной традиции, переданной нашему поколению от научной интеллигенции далекого прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Е. Г. Водичев. Советская научная политика в период «позднего сталинизма» (вторая половина 40х и начало 50х годов). Метаморфозы и маркеры // Вестник Томского Государственного Университета, 2014, №2 (28), с. 41-51.
2. М. С. Восленский. Номенклатура. London: OPI, 1985.
3. Зарплаты в СССР и сейчас (сопоставление покупательной способности) <https://maxim-nm.livejournal.com/401413.html>
4. М. Р. Зезина. Материальное стимулирование научного труда в СССР 1945-1985 // Вестник Российской Академии Наук, том 67, 1 (1997), с. 20-27.
5. "Система оплаты труда научных работников имеет серьезные недостатки"// Коммерсантъ-Власть, 24.10.2011
6. Р. К. Казакова. Охоцимский Дмитрий Евгеньевич - основатель прикладной небесной механики (штрихи к портрету) // препринт ИПМ РАН,
7. Поселок академиков Абрамцево // автор-составитель Н. Ю. Абрикосова / М.: МБА, 2014.
8. Прикладная небесная механика и управление движением. Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения Д. Е. Охоцимского // составители Т. М. Энеев, М. Ю. Овчинников, А. Р. Голиков / М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2010.
9. Предшествующие главы моих воспоминаний: об И.М. Виноградове и Б.Н. Делоне.